

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 Avril 1935

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNÉE

25 АПРЕЛЯ 1935 г.

173

25 КВІТНЯ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-ой

РІК ВИДАННЯ 8-ий

С о д е р ж а н и е:

1. **Петр Крюков:** Вольное Казачество.
  2. **Петр Крюков:** Станица Глазуновская.
  3. **Николай Букин:** Вечная тоска.
  4. **И. К. Скубани:** Бессонница.
  5. **Сергій Савицький:** Присягнім.
  6. **Николай Букин:** Христос Воскрес!
-
7. Христос Воскресе!
  8. Не довольно — ли разрушения?
  9. Трагедия Казачества.
  10. **А. Ленинов:** Донской музей и Донской архив.
  11. **П. Л. Макаренко:** Рецензия на книгу ген. штаба полковн. проф. А. Зайцова.
  12. **М. Колесов:** “30.000 курьеров!..”
  13. **Михаил Белов:** По стопам Иуды.
  14. Казачья эмиграция.

П о ч т о в ы й я щ и к

Дижон. Я. Б. Получено. Привет.

Прага. К. П. Получено. Будут напечатаны. Привет.

Ганновер. П. Л. Получено. Привет.

Бордо. В. Ц. Спасибо. Привет.

Виши. Ф. Получено. Привет.

Лион. Ю. Получено. Привет.

Бельфор. Х. В. Получено. Привет.

Германия. Х. Получено. Правильно. Центр тяжести для нас не в том, каким путем — демократическим или не демократическим, а чтобы выиграть каким угодно путем. При нашей расбросанности, при нашем беспорядке за границей, при неимении права на простое передвижение, на работу и т. д. — говорить о строгих демократических методах не приходится. Привет.

Чехия. М. Г. Получено. Ответ будет письмом. Привет.

Малица. В. З. Будет посылаться. Привет.

Од. И. И. Правда, если иностранцы будут судить о казаках по поведению “оппозиционеров”, Казачество надолго упадет в глазах чужих...

К сожалению, анархический элемент был не только в прошлом... Тем не менее — надо продолжать свое в интересах всего Казачества. Бю-

летеня не читал, но что там лгут — в этом не сомневаюсь. Не беспокойтесь — в ту яму, которую они роют, они упадут сами. Привет.

Труа. Г. А. Принято к сведению. Журнал будет высылаться. Привет.

Прага. Н. Н. Конечно. Франция — последний козырь Москвы в Европе. Если союз с Францией не пройдет, на что есть сейчас надежда, международное положение Москвы окажется незавидным — одиночество. Этого тов. Литвинов очень боится, поэтому так и “миролюбив” сейчас Кремль.

О будущем гадать не будем. Кто умеет разбираться в международной обстановке, для того уже ясно, к чему дело клонится. Тревога и уступчивость товарищей тем и объясняется... Ждать ясной ситуации” не так долго. Привет.

Телятин. М. М. Получено. Журнал посылает. Привет.

С. Америка. Е. Б. Вышлем, что сможем. Все доклады печатались в журнале. Привет.

Крезю. Л. П. Получено. Привет.

Крезю. Г. Получено. Привет.

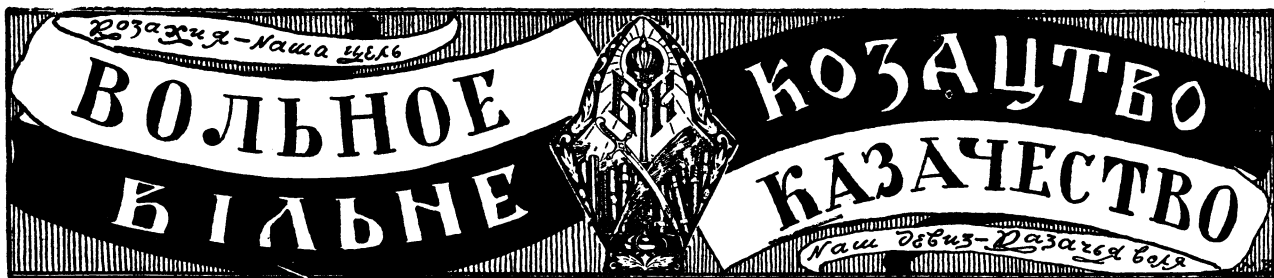
Ницца. Н. Т. Когда нибудь побываю и у Вас. Привет.

С. Америка. В. М. Получено. Спасибо. Привет.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. БИЛЫЙ

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 173

Четверг 25 апреля 1935 — Четверг 25 квітня 1935

№ 173

Петр Крюков.

Вольное Казачество

Казачество Вольное! — К цели
Заветной отважно иди!
Мы Волю в сердцах отогрели, —
Казакция ждет впереди!

Мы — дети степного приволья!
Начертано нашей рукой
На знамени: *смерть или Воля!* —
Казачий девиз боевой.

И пашку свою боевую,
Не дрогнувши, выхватит длань!
*За Волю и Долю степную,
Казачество Вольное, встань!!!*
12-4-1935 г.

Петр Крюков.

Станица Глазуновская

(Станице и станишникам с горячею любовью посвящаю)

Станица... Глазуновская...

Кубить обыклось слов, не дюже-то прелестных; обыклых, как и все похожие слова, но... ты, болезная станица Глазуновская, обыкляя как все, — дюжее мне мила!

Я в боль гляжу, скрость марево столетий... Стоит в тернах казачий городок: пятьсотый год — в Москве сидит царь Грозный; в Делах Донских прописано про верхний городок казачий — Глазунов.

Татары были тут, иные шли народы, но городок, стоял. В плетневых куренях за густыми тернами сидели молодцы — Донские казаки, а на курганной лаве, што с трех сторон станицу окружает, махальные, сполшные мелькали молодцы...

Папах кудлатый, рватый зипунишка, залатанный чекмень, в лохматках епанча, под серебром кинжал, с насечкой славной шашка, конь — змей, с насечкой и седло, стремена — серебро, вся харя почерябана татарскими клинками —

ты, пращур мой, лихой Донской казак

из верхового городка — лихого Глазунова!..

Менялися места, — пожары, да набег смывали городок, но снова он вставал над резовою рекою Медведицей и снова степную глыб казачий гик промзал...

К Степану Разину пошла сарынь Донская... Скурихин, Глазунов, Кумылгин, Арчадин... — За Волю Дона шла на дерзкий бой с Москвой сарынь Донская!.. Дуванили дуван: всю добычь, зипуны, ясырь... и вся сарынь отважная, лихая была — как сталь; все были — как один!..

Петро Ядреный, Дон наш налыгая, разбил тебя, болезный Глазунов, но снова степь привольная Донская, вспоив-вскормив орлов, подняла Глазунов...

Родимый мой куток!..

Все шляхи твои, стежки знакомы мне... трезвон колоколов станишной церкви и шопот чакана с кугой, толоки ширь бескрайняя.. кизечный дым пахучий... взлет белых мартышков над резовою рекою... лягушек зык... Батеев шлях на карем небе... и шорох, шепот, вздох ночных сокрытых пар...

Какой волшебный, дивный сказ певучий в тебе живет, болезный мой куток!

В твоих проулках, куренях под чаканною крышей и посеред мазаных казачат прошли мои года поры привольной детства. "кулючки", "трусики", иные игры помню... потом приходское, кулачки, азарство... набег на города, бохчи, аль по лесу шуканье гнезд скопчиных аль иных; яиц сыманье: гулюшек, каржиных, касатушек, иных личужек... Сколько азарства!..

Кужат "потешных" строй; винтовки, шашки, пики — из дерева; Ивленч — командир с его заливистой "действительной" командой... Потом разлука... старый Тихий Дон, над яром Усть-Медведица, повыше — Пирамиды... реальное; лишь на-лето, да к праздникам к тебе я на побывку с любовью прилетал, болезный Глазунов!

Какой щемящей радостью все сердце наполнялось, когда адер из лесу выежжал и открывался вид на Проров и станицу!.. — и в дедовский курень я радо-

стно вбегал... Все те же горницы, лишь только ниже стали... базы, проулки те же, што и встарь...

Как больно вспоминать про вас, степные дали!..
Какая безысходная в моей душе печаль!..

За лесом и рекой, возле Донских брунов одною лавою сомкнулись хутора: Пичугин, Подольховский, Зимник и иные, а там под самою Кумылженской горой идет другая лава: Мокров, Чигонаки, Точилкин, Красный... дальше — по степи, по балкам, по шпильям, баракам растерялись: Киревский, Суходол... иные хутора...

И кажний шаг юрта станишного мне сказы про былль давнишнюю гутарит, но без слов...

Болезный мой, родимый Глазунов!..

В твоих кутках возрос лазоревый светок. Твоей землей, мой Глазунов болезный, вскормлен, вспоен твоей, Медведица, волной. Он был светок на весь наш Край Родимый, на весь наш Тихий Дон — во славу казаков. Он тут возрос... любил он сказы Края; он грусть понял, любил лихой разгул и песнь родимая, старинная, степная ему была болезней снов и дум.

Но он ушел... Далеко от станицы замолк навек певец казачьей Доли... замолк певучий сказ... оборвалась струна... ушел Баян прапрадедовской Воли...

Менялись времена; менялось все, везде. Над яром — Проровом, обыклось берегая, в тернах, ливадах

светл болезный Глазунов... Но... загорелась по степу ковдылушка седая... Бог знает: отчего... Пошла войной на Дон чужая нам Расея... никто не знал: зачем и для чево.

И полторасталетняя "никонианцев" церква просыпала наземь всю шикатурку стен под пулями дурными русских самопалов, нагрянувшей на наш Присуд "уставшиков" Саратовской орды.

Болезная, родимая станица!

Прогрянул гром... Прошли войска родные, последний зык орудий затихал и хмарой серою вонючей и паскудной чужой народ тебя, станица, заполнял...

Завоеватели!.. "Святые" богоносцы! Рабы из века в век с холодной душой! — Вы, лапотники русские, своим расейским духом загадили всю степь и поступью своей всю ненависть кровавую в сердцах у нас взбудили!..

И близок час, болезный Глазунов!.. —

Твои орлы расправят скоро крылья и клетот их заполнит диким страхом сердца трусливые Казачества врагов!..

Я верю... жду, — што вновь ты вольным станешь на радость Дона вольных казаков и я с сыновнею любовью посвящаю тебе мой сказ, болезный Глазунов!..

12-4-1935.

Николай Букин.

Вечная тоска

Огромным красноватым диском спускалось солнце за далеким горизонтом необятной степной шири. Вокруг воцарялась таинственная степная тишина, изредка нарушаемая гудком недалеке проходящего по Дунаю парохода да, если можно считать это тоже нарушением степной тишины, — как только спряталось солнце, начинали переговариваться на непонятном языке вечные обитатели этого раздолья — сверчки. Вербовый лес — поставщик горячего материала для служащих на дамбе сторожей — вытянулся вдоль Дуная черной лентой, скрывавшей не менее интересные тайны особой жизни в глубине самого леса. Жаркий июльский день умирал, уступая правам свежей прохладной ночи.

За дамбой, защищавшей от наводнения ближайше села, стояла небольшая, крепко сколоченная из старых, посеревших от времени, досок хатенка с одним окном, косо ухидившим нижней частью своей во внутрь жилища, и низкой дверью, закрывавшейся в очень редких случаях. Над крышей, покрытой новым листом толи, возвышалась небольшая свеж выбеленная труба. У двери на маленькой скамеечке сидел матерой казак Родион Никифорович Чуб и давал советы молодому доңцу Александру — как надо ухаживать за огородом. Александр терпеливо выслушивал его, хотя видно было, что ему это не нравилось. Он стоял чуть наклонившись тяжелым широким корпусом вперед, прищурив свои узкие калмыковатые глаза, глубоко скрывавшиеся за приподнятыми полными щеками и таившие в себе вопрос: "Ну, когда ты кончишь?.."

— Да знаю, Родион, — прорвалось, наконец, у него, — и чего ты указываешь? Что же у нас, на Дону, иначе, что-ли? Что на Дону, что на Кубани, или, где там возьми, на Урале, — все казаки одинаковые и одинаково все живут: хозяйство умеют вести. Не бойся все будет в порядке...

— Ну, копай, — сказал Родион, махнув рукой, — я, ведь, это так, скучно... И перенес свое внимание на лежавшего у его ног Михрютку, внимательно следившего за разговором своих хозяев.

— Что, Михрютка? Где-то там есть Андрей мой, — ты знаешь его, — чуть слышно говорил Родион собаке, вопросительно смотревшей ему в глаза. — Может и он сидит в станице с таким же псом, виляющим своим хвостом, — шутя и с грустной улыбкой добавил он. — А репьев-то у тебя в хвосте! — блукаешь все, где не следует. Александр нас не понимает: мы ему говорим об Андрее, так же, наверно, тоскующем о воле, а он думает, что мы ему и взаправду решили

делать указания... Да, сынок мой, тяжело жить на чужбине, — со вздохом, после короткого молчания, проронил Родион и медленно закачал головою, давно уже наполовину поседевшей. — Поедем, Михрютка, к Андрею на Кубань, там лучше, — сдерживая внутреннее волнение, говорил он.

Михрютка с грустью посмотрел Родиону в тоскующие глаза, лениво поднялся с места и так же лениво подбежал к огороду, положил свои огромные передние лапы на вербовый плетень и гавкнул в сторону Александра, подвизывавшего густые кусты помидор. Александр продолжал копать, не обращая внимания на желавшего поговорить с ним Михрютку. Собака стала нетерпеливо скрести лапами и, наконец, раздосадованная равнодушием Александра, громко и сердито гавкнула и ударила одной лапой о плетень.

— Ты что, дурной, делать тебе нечего, а? Иди, брат, к Родиону, мне с тобой некогда заниматься тут, нечистый дух, — вполголоса говорил Александр, продолжая не смотреть на собаку.

Михрютка, посмотрев с укоризной на Александра, грузно спустил свои лапы на землю, глянул на понурившего голову Родиона, нехотя махнул тяжелым, от множества впитавшихся колючек, хвостом и побежал вдоль огорода, обнюхивая по пути сухую, не остывшую еще от дневной жары, землю. Скрывшись за огороды, он несколько раз громко и протяжно пролаял и снова, уже медленным шагом, вернулся к Родиону, лег у его ног, положив на этот раз свою большую голову на сапог, и тоже задумался. О чем они думали — сказать трудно. Одно только было видно, что Родион в свои думы погрузился так глубоко, что в ту минуту он ничего вокруг себя не замечал, и не слышал, — мира внешнего для него не существовало. После продолжительной глубокой задумчивости согнувшаяся фигура его стала выпрямляться, маленькие черные глаза стали внимательно присматриваться к окружающим предметам, — наступило что-то похожее на пробуждение от крепкого сна; вяло занесенная рука взъерошила еще густые волосы и окончательно, как жется, его пробудила.

— Ну, доканчивай, ты, там, Александр. Темновато уже. Давай повечерем, да на покой.

Погоди чуток, сейчас закончу и приду.

Кособокая луна высоко уже поднялась в темно синем небе, ярко освещая величавый простор, на котором темным силуэтом обрисовывалось небольшое, но аккуратное хозяйство двух друзей.

За круглым низким столиком, на таких же долб-

ленных треножниках вечеряли они, изредка уделяя то один, то другой косточку или кусочек хлеба Михрютке — их постоянному и верному сторожу.

— Утром рано я пойду на рыбальство, а ты тут довершись с огородом. Мы чего-то запустили огород, дюжа вдарились по зайчикам да по рыбке. Зима придет, а мы и будем посла сидеть да глядеть на вот этакую-то картофельку, с ноготь, — бормотал Александр, указывая на пожелтевший от табачного дыма ноготь указательного пальца правой руки.

— Мне все равно, езжай ты. Возьмешь и лохматого с собой?

— Нехай он останется тут: рыбу только пужать мастер, — насупившись, пояснил Александр, подкладывая себе в тарелку дымящейся и вкусно пахнущей полевой каши.

— На, Михрютка, ешь картошку, ядреную тебе даю. На завтра заказывают нам с тобой хозяйничать, — начал было снова Родион заговаривать с собакой.

— И чего ты все с ним возишься, как с писаной торбой? Хмурый ты чего-то, слышишь? Устал? Так ложись, как поешь, — говорил Александр, не зная причины грустного настроения Родиона, который молча продолжал, не спеша, есть.

Наевшись, Александр перекрестился и сказал: Слава Тебе, Господи... Не видал как Господь напитал... Табачишка теперь покурим, кабель, правда? Ты, брат, ложись вот сюда, — говорил Александр, показывая на порог хаты. — Не хочешь? — продолжал Александр приставать к собаке, недружелюбно смотревшей на него снизу вверх.

— Он чего-то все к тебе тулится, паршивый пес, ко мне не идет. Ну, пошел вон с дороги! Туда же, называется волчьей породы, а нос повесил как не знаю кто... Как Родион, все равно; ну, тот, понимаю: шестой доживает, а ты, хай тебе дьявол!..

Пес боязливо посторонился и пропустил Александра, ворчавшего незлобно, но внушительно.

Широкая фигура бывшего атаманиа скрылась в темной хате. На дворе продолжал оставаться сидеть черноусый приземистый кубанец, снова погрузившись в думы. Лохматый пес, насторожившись, бегал вокруг своих владений, словно что-то разыскивая, несколько раз хрипло гавкнул и, рыча, вернулся на свое постоянное ночное логово — на порог хаты.

— Ну, спокойной ночи... Господи, благослови. Ох-хо-хо-хонюшки, — крехтя, с расстановкой и крестясь, приговаривал Александр, умащиваясь на своей жесткой постели.

Некоторое время была мертвая тишина, никто не говорил, никто не шевелился, — как будто все кругом уснуло. Но, оказалось, спать никто не спал. Александр, который решил спать, имея ввиду в полночь проснуться с тем, чтобы при первых брызгах утреннего рассвета быть на реке, — и тот не спал. Слышно было, как он зашевелился в кровати, меняя положение, тяжело вздохнул и тихо произнес, чуть слышно:

— Да-а, день да ночь — сутки прочь... И к чему, спрашивается, живешь? Да! — вдруг как бы спохватился Александр: — Для казачества, говорят, надо жить. Николай Андреевич надась говорил правду сущую... Верно, верно: для него, — тихо и убежденно проговорил Александр и задумался. В хатенке где-то бойко переговаривались два сверчка. Вскоре не вытерпел Александр этого одиночества с набегавшими одна за другой мыслями, и позвал Родиона.

— Родион, иди сюда! Что-то не спится. Вот тут где-то засел над головой чурюкан и так это турчит, океанный, как будто все не хотят спать, как и он. Сначала думал даже заснуть под эту музыку, ан — нет, брат... —

— Чего-ж, ты, это разгулялся? Спал-бы себе, по крайней мере ни о чем бы не думал.

— Да, вон, сверчок... знаешь... так бывало у нас в степи — как поднимут трескотню эти самые разные козявки, хорошо эдак, спокойно на душе было. И на Кубани, ведь, тоже так?

— Увы, конечно, только лучше еще было, покой был душевный, да только не дюже глубоко мы его

переживали. Теперь, как подалее от него очутились, так оно и заговорило то иначе, — тихо и с чувством горечи говорил Родион, медленно входя в свое жилище, слабо освещенное мягко вливающимся лунным светом.

Его угол менее был освещен, т. к. дверь, открывавшаяся во внутрь и наполовину только открытая, сильно затемняла свет и только привыкшему к своему уголку Родиону было известно расположение его небогатой обстановки. Сняв с себя кавказский пояс и повесив его над изголовьем поверх старой боевой кубанки, Родион тихо опустился на свою кровать, сбитую из старых досок, расправил свои длинные, свисающие вниз усы и заговорил:

— Помнишь, я тебе сон рассказывал дня два-три назад?

— Ну, так что? Это про Андрея, что-ли?

— Да, вот он же самый. С тех пор, ты знаешь, не могу успокоиться. Среди ночи, тогда еще, проснулся и не мог больше заснуть. А сегодня ты это залез в огород, мне и вспомнился Андрей, как он один ходил в белой рубашке по нашему степу... “Как будто, говорит, папаша, и сел я пшеницу, а ничего нет... Да и у соседей что-то не густо”... Даже и не помню, — снился-ли он мне когда, а вот теперь приснился и так не хорошо: сам в белой рубашке и пшеницу шукал, что посеял...

— И чего ты снам веришь; хочешь беду накликать? Довольно одной, она все беды в мире заменила.

— Какая?

— Какая. Сидишь вот тут, а там враги хозяйничают в твоём доме... Сны... Какие там сны... Иногда такое приснится, что никогда о нем и не думал... Ты в явь гляди, — спокойно говорил Александр не веривший в сновидения.

— Так и я не думал о таком Андрее, а, вон, видишь, приснился, — возражал Родион. — Ты говоришь: “Не верь снам”. И я когда-то не верил, а потом, как сбылось многое, я и стал задумываться о том свете, какой большевики да некоторые ученые отрицают. Он есть, брат, есть, трубит нам под час когда хорошее, а когда и дурное.

— Да может быть и так, кто его знает. Оно то без Бога ни до порога, — согласился Александр на своеобразное объяснение снов.

— Вот то-то оно и есть. Только за какие такие грехи Господь нас наказал? Наверно за то, что не сумели. Или не хотели, я даже не знаю как и сказать, — жить-то своим умом. Это уж сколько годов будет, как мы здесь, пятнадцать?

— В девятнадцатом, значит... в двадцатом приехали сюда, — начал Александр медленно, размышляя, считать годы пребывания в эмиграции. — Да, 14 почти полных лет. Время-то летит как, погляди, а? Чего доброго и подыхать тут придется.

— Да Бог его знает, — отвечал Родион. Не думаю, и прямо таки не верю, чтобы в чужой земле пришлось сложить кости. Оно, конечно, все под Богом ходим, не знаешь где, когда и с какого коня упадешь. Многие надеялись, а померли здесь, да еще и молодых-то сколько среди нас: то в рудниках, то в лесах, то еще где... Думали-ли они когда, что так далеко от своей родины придется умереть...

— Эх, Родион, молчи о том, кто где погиб. Вспоминается мне наш Панфилов, гундоровец. Здоровый такой был, кровь с молоком; высокий, красивый, черные, как ворон, волосы, глаза орлиные, а джигит был... и не говори. Мы с ним одного года присяги. Это, значит, ему бы было теперь тридцать шесть годов. Что-ж ты думаешь: придавило в рудниках. Ведь не придавило же вместо его Гунибова, что стыдился, или боялся, сказать русакам: “да, это, мол, наш национальный флаг, флаг донских казаков... А то, ишь! Его русачки эдак ехидно спрашивают: “Что это у тебя такое, Павлуша?” А он замаялся, завиллял туды-сюды и смылся, а потом и ленточку снял с рубахи.

— Какую ленточку?

— Ну вот эту же самую, флаг... узенькую такую ленточку мы носили. Выписали специально из заграни-

цы и носили все, когда жили в горах. Все, знаешь, как-то легче было: поглядишь, а он то, родимый, на груди и все время думаешь о Доне батюшке, о судьбе нашей казачьей. Таких бы малодушных, — продолжал Александр выливать гнев на своего одноклассника, — кабы знать-то, еще в колыбели надо было бы душище. Твердил, бывало, среди нас: "С Дона выдачи нет!... Верны заветам старины"... А сам от этих заветов как черт от креста да от ладана. И теперь от него ни духу, ни слуху. Какая от него польза казачеству!.. Ну, а от того то была польза. Знаю я его хорошо: честный был, прямой и никого не хочет знать, кроме казаков.

— А где этого... как ты сказал... Панфилова, что-ли, придавило? — спрашивал Родион.

— В Болгарии. Он отсюда уехал к брату. Вместе там они и работали. Оба чуть не погибли. Старший остался живой. Сам откапывал брата. Ну, того я мало знаю. Что он из себя представляет, сказать не могу.

— Много наших казаков по рудникам работает. В Пожаревце да в Боре, в этих двух, человек двести работает. Не дай Бог еще какого несчастья, — со страхом говорил Родион. — И так его необерешься...

— Да уж чего и говорить, — поворачиваясь лицом к стене, говорил Александр. — Но горше нынешнего не будет. Может быть и лучше тому, кого придавила земля. Подумай, если не суждено воскреснуть казачьим Краям... Живи это тут, где то на куличках да и ковыряйся вот в помидорчиках да картошечке, чтобы зиму прожить. Чего она, наша жизнь теперешняя, — одно надругательство: подкармливаешь себя, чтобы подольше протянуть страдания по родимому Краю.

— Что-ж, Александр, хорошо, что страдания есть. Терпи, дорогой. Может через них и спасемся. Раз страдаешь, значит думаешь о родине, а раз думаешь о ней, так чему-то уж, хоть маленькому, да научишься полезному. А может и самому большому: любить казачество больше всего на свете.

— Теперь уж не промахнемся, — с дрожью в голосе перебил Александр. — Даст Бог вернемся, так создадим свою жизнь без благодетелей. Не знали мы, кого слушали... Все хорошо пели, а потом полезли на Москву. Нет того, чтобы, освободив свои земли, начать искоренять русское влияние... Куда тебе... Нашлись умные вожди: спасти Расаю от русских. Побрались с кучкой чужаков и сошли с границ своих. "Расаю погибает! Надо идти спасать!" Просил их кто?! Вот и зашли далеко, да так, что и своего не видно.

— А увлеклись-то как, — тоном негодования вставил Родион, — так, что даже не видали, как хозяйничали у нас белые... Видали опасность только от красных, а потом узнали, что русские все одинаковы в отношении Казачества — что белые, что красные. Все цвета хорошие, самоцветы, что скажешь?

— Знаешь, Родион, что я тебе скажу? Не надо было никого пускать к нам из России. Они-то нам и нагадили.

Чего греха таить, Александр, свои тоже не лучше были. У нас, он, на Кубани, кто боролся на самом деле за Казачество, тот и погиб. А от кого? Да от своих! Не допустили-бы, так и не погибли. И все потому, что мало того, что приютили беглецов, еще пустили их и в Раду. Позор-то, как подумаешь. Что думали те, кто пускал? Как это можно было допустить? Вот потому-то и погибли Кулабухов, Рябовол и другие. А кабы их послушали да выгнали бы эту свору всю, так мы бы здесь не сидели...

Заговорив о Кулабухове, Родион сильно разволновался, голос дрожал и слышно было как с трудом, обрываясь временами на пол-слово, глотал он неудержимо подступавшие горячие слезы.

— Будя тебе, Родион, про Кулабухова. Опять ведь будешь реветь, как ребенок. Я боюсь, когда ты о нем заговариваешь, не можешь спокойно произнести эту фамилию. Да и я начинаю волноваться, в груди как-то давит, хочется сделать такое, чтобы отомстить, да не знаешь, кому, где и как.

— Отомстить есть кому. Они себе живут преспокойно, всякие тогдашние председатели и министры,

предатели, нехристи оканные. Еще есть такие слепцы, которые их за начальство почитают. Да я бы их, измеников, порубил собственной рукой. Побей Бог поруил-бы. Кабы мне тогда один взвод только, если-бы я то был хоть какой нибудь плохенький офицершко, я бы им показал, как справляться с нашими народными борцами... Прибежали от своих же, едят наш хлеб и, в благодарность за это, нате вам, казачки: Свобода, Рада, Круг, самостоятельность?!.. Ну, мы вам покажем казачью республику!

— Во-во, Родион, а я что говорю. Они когда прибежали к нам, и увидели, что прибежали-то не в Россию, а в казачьи земли, где ихним не пахнет да и народ живет не так, да и думают иначе, говорят о старинушке, о воле, а там и просто сказали: Дон самостоятельное государство, Кубань тоже республика, и так оно это пошло как полагаюсь сроду. А там, помнишь же, Дон, Кубань, Терек, Астрахань, Оренбург, Урал, Украина, Кавказ — начали, хоть и поздно-вато, создавать один фронт против нашествия, а им и не понравилось, братьям то так называемым: не по нашему, мол, живешь, не по расейски. Мы тебе устроим...

— Устроили, нечего сказать, — поспешил Родион перебить разошедшегося было в речах Александра. Тут то и союз наш не мог помочь. Коренные русаки объединились с беглецами, а им еще в помощь наши генералы некоторые и пошла катавасия: на фронте деремся с красными, внутри с белыми, через одних и других ссоримся с тем, с кем не надо было ссориться. Нет, ты прав, Александр, не надо бы их пускать к нам в Казачьи Земли. Глядь, переходит границу, а тут его и спросить: вы, мол, куда, милый человек? Зачем? А-а, от большевиков, значит от своих же русских? С русским душком да в наш дом? Поворачивай, откуда пришел. Ей-Богу, так бы и надо было делать.

— В куль да в воду, — вставил Александр. — У нас сроду на Дону так велось.

— В какую воду... ежели в самый Дон, то не стоит поганить реку. Она наша река, казачья, прославленная, — отвечал Родион.

Лежавший до сего времени спокойно Михрютка сорвался, вдруг, бешенно с места, подбросил несколько раз свой тяжелый зад и молча остановился чуть поодаль в ожидании. Потом раздался громкий с каждым разом учащающийся лай. Михрютка прыгал на месте, ударяя по земле с особенной силой передними лапами, точно кого-то предупреждал: "не подходи ближе, укушу". Постепенно, с лаем, он боком приближался к двери и время от времени быстро бросал взгляд в хату.

— Погляжу-ка я, — поднимаясь с постели, говорит Александр. — Чего он разошелся?...

— Цыть, Михрютка, погоди, жина моя добрая.

Собака, успокоившись слегка, со сдержанным рычанием шла за Александром, направлявшимся посмотреть из-за наваленного рядом с хатой сухого хвороста — "дровяного склада", — как называли его сами собственники.

Выйдя за "склад", Александр увидел знакомую фигуру хоперца (кубанца) Быкова, медленно спускавшегося с насыпи по протоптанной узкой дорожке.

— Егор, ты, что-ли?

— Я, — послышался в ответ густой сочный бас.

— Чего ты это так поздно?

— Не спишься, брат. Пришел с работы, повечерял и лег почитать свежий номер "Вольного Казачества"... Здорово, станица, — крепко пожимая руку Александру, поздоровался подошедший к нему вплотную Егор. — Кабель у вас больно сердитый, гляди, как рычит, — оборачиваясь на собаку, заметил неожиданный, но всегда приятный гость.

— Не укусит, не бойсь. Он знает, кого хватить надо. Надась цыгане проходили, так он им задал такого чесу... насилу отбил, заел-бы, проклятый. Ну, пошли, посидим...

(Окончание следует).

И. К. Скубани.

Бессонница

Погас лучистый день и ночь, колдунья злая,
Накрыла сонный мир, как черною тафтой.
Повсюду тишина... Ворочаясь, вздыхая,
Лишь только я не сплю, охваченный мечтою.
О чем уже мечтать? Ведь молодость

промчалась, —

От пышного дворца валяются руины,
И старость, словно тать, из вечности

подкралась

И в волосы вплела мне снежные седины.
Измята Роком жизнь, как травка при дороге,
Поблекла, что цветы увядшего букета;
И сердце бьет набат, волнуется в тревоге,
Что все прошло, вдали — ни счастья ни

привета...

Но я не преклонюсь перед судьбой суровой, —
Нет, не всему конец, — мечты о воле живы!
Как храбрый паладин, к сражению готовый,
С отточенным мечем, стою я, горделивый.
Не сплю... В уме моем воскресли дни былые...
...Вот затрубил горнист, заколыхались флаги
И, будто вихрь, летят кубанцы удалые,
Померяться с врагом в геройстве и отваге.
И в этот жуткий миг, в живую цепь

врубаясь,

Быть может не один вздохнул по чудной

дали,

Где контуры станиц, где мукою терзаясь,
Деды своих внучат с победой ожидали...
А это что?.. Парад... Размерными шагами,
Равняясь, пластуны идут перед собором,
Их смотрит генерал с нависшими бровями,
Красавицы следят за ними томным взором...
Но вот синее степь в цветочках васильковых.
Дорогой столбовой, окутанная пылью.
Идет толпа людей, измученных, в оковах
И тихо речь ведет, грустя над свежей былью...
То братья казаки, увенчанные славой,
Прощаются с родной, загубленной Кубанью, —
Они присуждены советскою управой
К отправке в Соловки. — к бессрочному
страданию...

То вдруг я вижу: мать с тоской невыразимой
Гадает — где, в какой сторонке нелюдимой,
Живет ее сынок и также-ль нерушимо
Казацтво он чтит и любит Край родимый?...

.....
Без счета и конца сменяются виденья,
То мрачные, как ночь, то ясны, как
зарницы, —

И только лишь рассвет приносит час
забвенья,
Сомкнув тяжелым сном уставшие зеницы.

Октябрь, 1934.

Сергий Савицкий.

Присягнім!

Були видючими сліпцями, —
Не сміх, а правда, — так було.
За те тепер ми є старцями...
Було колись... та загуло...
Та хоч тепер-же будьмо люди,
Коли в степах горить наш храм!...
І присягнім у час цей лютий
Собі служить, не ворогам!

Скажім: — О, Боже, присягаєм
Свій меч не вкласти до піхви,
Аж поки в нашім Ріднім Краї
Ми не побачим булави...
Не згانیмо свого ми роду,
Не стерпимо катів ярма.
Підем на бій — в огонь і в воду:
Без волі нам життя нема...

Николай Букин.

Христос Воскресе!

И вот уж сколько лет
Вдали от солнечного Края
Среди лишений, горьких бед,
Душа, в тоске изнемогая,
Родному Краю шлет привет:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Случайных радостей мгновенья,
Сверкнув заметным чуть лучем,
В сей день Христова Воскресенья,
С душой сроднившимся путем
Родному Краю шлет привет:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Улыбка горькая, закравшись
В усталых с годами глазах,
С надеждой давнею смешавшись,

Далеко в радужных цветах
Родному Краю шлет привет:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
Прекрасных чаяний полна,
Любовью ревностной согрета,
Мучимой верою больна,
Душа, ища родного света,
Родному Краю шлет привет:
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
И веря в час Освобожденья
Страны Казацъей от оков,
Ко дню Святого Воскресенья
С порывом в сердце шлет ей зов:
Христос Воскрес, воскрес Святой!
И ты воскреснешь, Край родной!

Христос Воскресе!

В дни крестных страданий и Воскресения Богочеловека еще резче встает перед нами Образ поработенной Казачьей Страны... Там пятнадцать лет уже совершает Казачество свой крестный путь...

Но мы знаем, что после Голгофы было Воскресение и сами мы верим в воскресение Казачества. Наше слово ко всем живым Казакам, ко всем казачьим патриотам в эти дни —

слово привета и слово надежды —

Христос Воскресе! —

Воскреснет и Казачество!

— На нас же, на казачьих националистах, лежит одна задача:

отвалить камень от гроба Яго.

Не довольно-ли разрушения?

Пугачева выдали свои...

Разина выдали свои...

Булавина предали свои...

Кулабухова Деникин и Врангель повесили казачьими руками...

Свои убедили Запорожцев не защищать Сичи, а сдать на милость обступивших Сич москалей...

“Красные” казаки помогли московским большевикам оккупировать Казачьи Земли в 1919-1920 годах...

“Белые” казаки помогали “белым” русским бороться с казачьей государственностью...

Сейчас наши враги могут только радоваться, видя, как “оппозиция” старается развалить Казачье Освободительное Движение...

— Каждое большое казачье дело топилося до сих пор прежде всего казачьими руками.

До каких же пор это будет продолжаться?

Неужели казаки могут только начинать?

— Братья в казаки! От вас самих будет зависеть, кончим ли мы начатое нами великое дело Освобождения и Спасения Казачества или враги наши опять найдут в нашей среде тех, кто будет помогать им и на этот раз душить национальное Казачье Дело?

Поклянемся довести до желанного конца начатое дело ВК.

Да здравствует ВК!

Слава Казачеству!

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III

(Июнь-декабрь 1919 г.).

Положение сторон перед решительным сражением.

В результате выше рассмотренных нами почти полтора месячных боев в Поволжье, на границах России и Дона и на Украине, к концу июля Кавказская (Кубанская) армия вышла на линию Нижне Банное-Добринка, Донская армия прикрывала с северо-востока и с севера Дон, а на Украине казаки подходили к гор. Черкассам и к станции Бобринской; пассивным в общем оставался фронт Добровольческой армии на участке Короча-Гайворон.

Как известно, на совещании высших руководителей Кавказской (Кубанской) армии в конце июля 1919 г. положение этой армии было признано настолько тяжелым, что решено было, в случае перехода противника в общее наступление, отходить на юг вдоль правого берега Волги.

Возможно ли было иметь надежды на такое усиление Кавказской (Кубанской) армии за счет новых пополнений с Кубани, которое дало бы возможность этой армии выполнить ту огромную задачу, которая была поставлена ей “Московской директивой”? В виду решительного расхождения между Кубанью и бе-

лыми русскими, как в определении конечных целей борьбы, так и способов их достижения, в виду диаметрально противоположной политики этих двух центров борьбы в вопросе об отношении к национальным освободительным движениям, в земельном вопросе, в рабочем законодательстве и рабочей политике, в административном устройстве освобожденных от советской власти областей — белое движение вело борьбу за единую неделимую Россию, стремилось снова привести под власть России те народы, которые боролись за свою государственную независимость, белое движение насаждало помещиков, преследовало рабочие организации, воскрешало ненавистный централизм и бюрократизм, а Кубань боролась за свою государственную самостоятельность, за федеративное или союзное, договорное и полюбовное объединение молодых Казачьих республик, Кубань уничтожила право частной земельной собственности на землю, последовательно восстанавливала казачье устройство своей жизни — при этих условиях совершенно невозможно было надеяться на то, чтобы Кубань добровольно производила новые мобилизации своих сынов для борьбы за достижение государствен-

ных, национальных и социальных идеалов русского белого движения.

Эти русские идеалы не только были чужды подавляющему большинству казачьего и неказачьего населения Кубани, но последняя определенно боролась против проведения в жизнь национальной, земельной и общественно-административной программы русского белого движения. Не только ответственные руководители внутренней и внешней политики Кубани, но и сравнительно высоко развитая в политическом отношении рядовая масса Кубанского казачества прекрасно понимала необходимость защиты Казачьих Краев со стороны нижней Волги, а значит ясно сознавала необходимость удержания гор. Царицына в казачьих руках.

В то же время коренные кубанцы, за исключением немногих помещиков, обиженных кубанской радикальной земельной реформой, за исключением крикунов, нанятых руководителями русского белого движения, да окаменевших в политической кособокости бывших царских чиновников, купцов и биржевиков да нескольких политиканствующих духовных, коренные кубанцы и не собирались к "походу на Москву".

Всплеские всех этих причин Кавказская армия, состоявшая, главным образом, из кубанцев, и через полтора месяца после появления этой директивы не вышла даже на линию Балашов-Саратов и готова была откатиться к самому Царицыну.

Разбирая июльские события на Донском фронте, мы также документально установили наличие сознательного нежелания рядовой массы Донского казачества уходить далеко за пределы Дона или тем более драться за осуществление задач русского белого движения. Донцы весьма упорно и доблестно сражались за Дон, а не за Россию. И здесь, как и на Кубани, исключение составляли те же сравнительно малочисленные, хотя и влиятельные, группировки среди основного населения.

Сказанное о Кубани и Доне можно в полной мере отнести и к Тереку.

Были, конечно, и различия между названными казачьими землями. На Дону за двести лет русского владычества в значительной мере была усыплена мысль об отдельности казачьего населения от русского народа, в то время как на Кубани было еще совершенно свежо в памяти большинства казаков их происхождение от Запорожской Сечи.

На Дону помещичий казачий класс был однороднее, организованнее и сильнее немногочисленных казаков-помещиков на Кубани. Донские казаки роды имели столетнюю историю, в то время как кубанские в подавляющем большинстве свою давность измеряли только десятками лет. Донские помещики издавна имели свое дворянское собрание, а кубанские — не имели его совсем. Донские имели Кадетский корпус, а кубанцы не имели такового и т. д.

Несмотря на все это, надо признать, что наличие казачьего дворянства, тянувшего в сторону Москвы, тянувшего к вождям русского белого движения, в большинстве таким же генералам и дворянам-помещикам, только усложняло и затрудняло борьбу, но не могло существенно изменить общее нежелание Донского, Кубанского и Терского Казачества идти "на Москву".

Въ тылу Казачьихъ Земель находились горские народы Кавказа. Полки, укомплектованные из горцев Кавказа, как в силу своей численной слабости, так и, особенно, в силу отрицательного отношения горцев Кавказа к программе белого движения, не могли быть той военной силой, на которую мог бы опереться Деникин при движении на Москву. Бесперывные восстания горских народов против власти Деникина были предостерегающим показателем истинных настроений горских народов.

Что касается населения Украины, в сторону которой казаки так успешно расширяли владения Деникина в июле-августе 1919 г., то и здесь вдумчивые деникинцы не могли рассчитывать найти серьезную поддержку. Явно отрицательное отношение основной массы населения Украины к русскому белому движению достаточно выявилось уже во время неудачных зимних 1919 г.

операций русских в Одесском районе и в Таврии, где очень быстро провалилась начата русскими организация Крымско-Азовской армии; выявилось так же и в весенних походах войск Махно против деникинцев в Донецком бассейне.

Сельское население Украины не пошло за Деникиным. Русское городское население Украины было сравнительно немногочисленно, чтобы Деникин мог из его состава черпать достаточные силы для пополнения Добровольческой армии до таких количественных и качественных размеров, которые дали бы возможность белому командованию с надеждой на успех вступить в единоборство с красным командованием, располагавшим русскими красными армиями. Провал движения Колчака был плохим предзнаменованием для русских белых вождей на Юге, стремившихся укрепить свою власть на Кавказе, на Казачьих Землях и на Украине.

Во всяком случае, ни основная масса Казачества Дона, Кубани и Терека, ни основная масса населения Кавказа и Украины не могли явиться сколько-нибудь надежной и серьезной опорой для русского белого движения. Эти три группы населения Юга не принимали программы Деникина. Белое движение для этого населения не являлось и не могло явиться объединяющим, направляющим и движущим центром политической и вооруженной борьбы.

Без сочувствия населения, без его активной и сознательной поддержки белое движение не только не могло победить своего красного противника, но явно было обречено на неминуемую гибель.

К сожалению, мы не имеем объективных данных о количественном составе русской части войск Южного антибольшевистского фронта к 1-му августа 1919 г., т. е. к началу генерального сражения. О количественном же и качественном составе казачьих армий будет сказано в соответствующих частях последующего изложения.

Перейдем теперь к общему обзору сил красной России. Обновленная русская держава довольно успешно защищала свои границы, отражала натиск белых на Петроград, расшатала северный антибольшевистский фронт и разгромила Колчака, отбросив деморализованные остатки его армии далеко за Уральские горы.

Согласно советским данным перед завязкой решительной борьбы на Юге, все вооруженные силы красной Республики были сгруппированы в три фронта и отдельную армию.

1) Западный фронт с 12-й армии, работавшей на правом берегу Днепра, — около 140.000 штыков и сабель, 797 орудий.

2) Южный фронт, считая резервы и части, перебрасываемые с Восточного фронта, — 171.600 штыков и сабель, свыше 611 орудий.

3) Восточный фронт — около 125.000 штыков и сабель, 445 орудий.

4) 6-я Отдельная армия, действовавшая на Архангельском фронте, — 14.000 штыков и сабель, 136 орудий.

Всего около 450.600 штыков и сабель, свыше 1544 орудий.

Во внутренних округах находились на формировании только вспомогательные и запасные части и части некоторых дивизий. общей численностью 14.400 штыков, 74 орудия и 186 пулеметов, и, наконец, вспомогательные роды войск и войска специального назначения имели около 180.000 штыков и 763 пулемета (Гражданская война 1918-21, т. 3, стр. 250).

С своей стороны, бывш. главнокомандующий Южным фронтом, ген. Деникин, утверждает, что "в середине июля советскому командованию удалось довести состав своих Южных армий до 180.000 при 700 орудиях (Деникин. Очерки, V, 119).

За спиной этой внушительной военной силы стояла красная Россия, поддерживавшая морально и материально свои войска, защищавшие, как родную территорию, так и новый политический, хозяйственный и социальный порядок — советский строй своего государства.

Советская власть обратила весьма большое внимание на духовное сплочение своих солдат, на пояснение и разъяснение им основных целей борьбы. Не только армии, но часто и дивизии имели свои типографии и

выпускали в огромном количестве плакаты, воззвания и газеты...

Советская пропаганда была хорошо продумана, широко поставлена, говорила народу о доступных и понятных для него вещах, ставила перед народом ясные цели борьбы, доходила до самых низов народных, до красноармейской массы и, конечно, делала свое дело.

Совсем не то было у Деникина. Какую программу мог он объявить казакам, когда они имели свои Круги и Раду, свои конституции, свое самостоятельное законодательство по самым жизненным и основным вопросам народной жизни. Этой казачьей политики, этого казачьего законодательства не принимало и не признавало русское белое движение. Роль этого движения сводилась к тому, чтобы, пользуясь поддержкой казачьих же невеличких, сбить казаков с казачьей дороги и потянуть их на Москву.

Какую программу могли объявить белые вожди населению Украины, которая уже имела свое Правительство? С чем шли деникинцы к горцам Кавказа?

Казачи имели свою программу, Украина — свою, а Кавказ — тоже свою. Деникин растопырил ноги — одной стоял у Дербента на берегу Каспийского моря, а другой — в Киеве, и бессильными руками ловил среди казаков и на Украине попутчиков для похода на Москву.

Армии, бывшие под общим командованием этого генерала, не представляли из себя органического целого, не были спаяны ни общностью конечных целей борьбы, ни действительно единым командованием.

Донская армия продолжала оставаться в общем самостоятельной и по своему вела боевые операции, защищая от красных территорию Дона.

Командующий Кавказской армией, ген. барон Врангель, непрерывно фрондировал, посылая Деникину и его начальнику штаба ген. Романовскому дерзкие и вызывающие телеграммы и письма, посвящая в эту закулисную генеральскую борьбу своих военных и гражданских приближенных и единомышленников, добивавшихся еще более "правого" курса политики русского белого движения... Деникин и его начальник Штаба не оставались в долгу (см. для примера, "Очерки рус. смуты", т. V, стр. 109-116, Врангель. Записки, т. 1, стр. 170-183).

Сам Деникин по этому поводу говорит следующее: "...Эта систематическая внутренняя борьба создавала тягостную атмосферу и антагонизмы. Настроение передавалось штабам, через них в армию и общество. В борьбу вовлекалось и английское представительство, как я узнал впоследствии... Я терпел без меры, без конца пререкания, создавшие вокруг ставки смутную и тяжелую атмосферу и подрывавшие в корень дисциплину. В этом я вижу свою большую вину перед армией и историей". резонерствует Деникин уже за границей, погубив казачье освободительное движение там... (Деникин. Очерки, V, стр. 110 и 114).

В свое время Деникин не мог поставить на свое место капризного, страдавшего маньерностью барона, и в то же время собиравшего победить хорошо организованной большевизм русский генеральный штаб, располагавший уже почти семисоттысячной армией, большим резервуаром человеческих сил и большими материальными средствами.

Независимость Донской армии и постоянная фронда со стороны ген. Врангеля ясно говорят о фактическом отсутствии единого командования.

"Каковы бы ни были истинные причины этой склоки", говорит бывший командующий Южным русским красным фронтом Егоров, "представляется достаточно ясным, что среди них немалую роль играли мотивы личного честолюбия Врангеля: поход на власть, как называет это сам Деникин. Свое стремление столкнуть Деникина и стать самому на его место Врангель оформлял в письмах памфлетах, рассылал их среди широких слоев генеральской клики Добровольцев. Эти письма имели одну цель — подорвать авторитет главного командования (Деникина и его начальника Штаба Романовского), что при той обстановке напряженной политической борьбы, какая велась между Деникиным и Донской и Кубанской общественностью, имело боль-

шое значение. А так как эти же письма находили свое распространение и за границей, то в глазах руководящих кругов Западной Европы, поддерживавших белое движение, последнее мало по малу теряло облик достаточно прочной силы, могущей оказаться серьезным фактором в борьбе с большевиками. Подрывающий авторитет Деникина, как идеолога и выразителя чаяний контрреволюции Юга России, внутри самой Добровольцев и за пределами ее, ген. Врангель подрывал также боевую мощь армий белых, которую и без того уже к описываемому периоду в силу различных причин была далеко не на той высоте, с какой эти армии вышли на борьбу в начале 1919 г. — обострение противоречий внутри армий, разнузданность политики деникинских губернаторов, восстановление помещичьего режима в захваченных областях" и т. д. (А. И. Егоров. Разгром Деникина, 1919. Москва. 1931, стр. 105).

Ни своей внутренней и внешней политикой, ни количеством, действительно шедших за идеалами Деникина, ни своей внутренней спайкой белое движение далеко не представляло из себя той реальной силы, которая могла бы победить красную Россию.

Казачи между двух огней.

Уже первый месяц боев после издания "Московской директивы" достаточно убедительно говорил о том, что поставленная этой директивой армиям задача совершенно неосуществима. Гор. Астрахань не был взят, несмотря на то, что, как свидетельствуют сами большевизмские вожди, "летом Уральские казаки овладели с Джембай — на берегу Каспийского моря, и их разведывательные партии начали появляться даже в ближайших окрестностях Астрахани, в восточных устьях Волги"... (Н. Какурин. Как сражалась рев. т. 2, стр. 256).

Деникин не позволил бросить за р. Волгу достаточные казачьи силы для действительного объединения Южного и Восточного фронтов. Астраханская красная заноза, оставаясь в глубоком тылу Кавказской армии, не только вызывала постоянную боль, но с каждым днем готова была разрастись в весьма опасную рану на казачьем фланге и на тылах. Не вынув этой занозы, невозможно было продвинуться на север.

По совершенно непонятным причинам Деникин оставлял Астрахань в руках красных войск, а сам продвигался не только на Кавказ, но перешагнул даже через Каспийское море и Закаспийский край, "подчинил" Главноначальствующему Терско-Дагестанского края. В Закаспийский край были посланы подкрепления с Северного Кавказа (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 241).

Принуждали ли Деникина к этому шагу англичане, снабжавшие Деникина оружием и желавшие использовать его силы для прикрытия от большевизмского влияния Персию и Индию — эту Ахиллесову пятю английских владений в Азии, или к заморскому походу на Красноводск-Асхабад побудила Деникина его ненасытная и "широкая" русская душа, все равно это была чистойшей воды авантюра.

Если у Деникина хватало реальных сил для продуманного и серьезного похода в Закаспий, почему он не взял лежащую под носом Астрахань? Почему Деникин не осуществил здесь своей же "Московской директивы"? Почему Деникин не допустил действительного объединения через Волгу двух казачьих фронтов — Южного и Восточного? Яицким казакам не пришлось бы потом совершать ужасный поход по восточному берегу Каспийского моря, а Кавказской (Кубанской) армии не пришлось бы иметь постоянную и реальную угрозу на своем тылу и на своем фланге. Далеко неблагоприятно было на правом фланге сил Юга. Не были блестящи дела и в центре Южного антибольшевизмского фронта: как сказано выше, Донская армия в июле 1919 г. принуждена была отдать большевикам Балашов, Борисоглебск, Новохоперск, Таловую а перед этим, в июне, большевики захватили Бобров и Лиски...

Несмотря на явную слабость своих (русских) сил, на тяжелое положение Донской и Кавказской (Кубан-

ско) армий, белое командование, объединившись с казачьими неделями, не оставляло мысли о походе на Москву. В виду явной неудачи июльского фронтального наступления на север Донской и Кавказской армий, белые генералы решили испытать счастье путем нанесения могучего удара по тылам армий красного фронта. Но какими войсками мог ген. Деникин осуществить эту смелую и рискованную задачу, должную, быть может, решить исход затянувшейся борьбы? Генералы решили возложить эту весьма ответственную и очень трудную задачу на Донскую казачью конницу. Донцы должны были прорвать красный фронт и разметать тылы красных армий.

Уже перед этим Кубанская и Терская казачьи конные дивизии и Кубанская и Терская пластунские бригады начали расчищать путь Деникину на Киев. Таким образом, казаки должны были освободить для белых вождей широкую дорогу на "Матушку Москву", казаки же должны были привести Деникина к овладению "матерью городов русских — Киевом", и все те же казаки Кавказской (Кубанской) армии — должны были удерживать "матушку Волгу-кормилицу". Таков был общий план белых русских вождей.

Для полноты картины следует отметить, что и на фронте разбитых и отброшенных далеко за р. Тобол армий Колчака, в конце июля и в начале августа 1919 г., была надежда только на Сибирских казаков (Гинс. Сибирь, Союзники и Колчак, ч. 2-я, стр. 258 и 266).

Несколько иначе, нежели белые вожди, представляли себе красные вожди интересы России, задачи исходящей борьбы и роль казаков в ней. Если белые генералы думали придти в Москву, опираясь, главным образом, на казаков, то красные генералы решили выбить из под белых эту опору путем нанесения главного удара по Кавказской (Кубанской) и Донской армиям. В течение июля 1919 г. красное командование сосредоточило между р. Волгой и г. Балашовым ударную группу Шорина следующего состава:

1) 9-я советская армия — 14, 23 и 36 стрелков. дивизии — общим количеством около 13.000 штыков и 5.500 сабель при 360 пулеметах и 70 орудиях;

2) 10-я сов. армия — 32, 37, 38 и 39 стр. дивизии, 4-я Кавалерийская див. — всего около 12.000 штык. и саб., около 3.000 дивизионной и 3.500 в стратегической коннице; пулеметов 320, орудий 88;

3) резерв группы — 56 и 28 дивизии с Казанской крепостной бригадой, всего около 21.000 штыков, 400 пулеметов и 86 орудий.

Всего в ударной группе — около 45.000 штыков, 12.000 сабель, 1080 пулеметов и 240 орудий.

Из остальных 8-й, 13-й и 14-й армий Южного красного фронта была выделена вспомогательная группа советских войск под командованием генерала Селивачева. В эту группу вошли:

1) 8-я армия — 12, 13, 15, 16, 33, 40 и 31-я стрелковые дивизии с количеством штыков 24.000, сабель 3.500, пулеметов 1. 170, орудий 193;

2) из состава 13-й армии — 3 и 42 дивизии — штыков 8.800, сабель 450, пулеметов 237 и орудий 58.

Всего в группе ген. Селивачева — 32.800 штыков и около 4000 сабель, 1407 пулеметов и 251 орудие. Эта группа должна была навалиться на левый фланг Донской армии между Лискама и г. Короча.

Как видим, в приволжской ударной группе Шорина и в группе ген. Селивачева, согласно большевизму данным, было сосредоточено 77.800 штыков, 16.000 сабель, 2487 пулеметов и 491 орудие (Егоров. Разгром Деникина, стр. 112).

Это не были красноармейские банды конца 1917 г. и первой половины 1918 г., это были настоящие, сравнительно хорошо организованные, с правильным управлением русские войска. На них была возложена задача — раздать Кавказскую (Кубанскую) и Донскую армии, при чем ген. Селивачев должен был отрезать Донскую армию от Украины, а Шорин — быстрым движением на г. Царицын должен был перехватить пути отступления Кавказской армии на Кубань.

Задача красной России была ясна. Для достижения ее были собраны весьма большие силы. Если бы красная Россия смогла осуществить эту задачу в назначенный срок — к октябрю 1919 г. — для нее оставалась бы второстепенная задача — покончить с армией Деникина на Украине.

Подготовка эту операцию против казаков, красная Россия надеялась, что утомленные долгой непрерывной борьбой, начавшейся еще с ранней весны 1918 г., казачьи войска не смогут оказать значительного сопротивления красным войскам, и задачи красной России на Казачьих Землях будут так же скоро достигнуты, как перед этим красная Россия быстро справилась с армиями адмирала Колчака.

Наступал новый решительный момент в истории казачье-русской упорной борьбы. Нам предстоит разобрататься в весьма сложных событиях, происходивших, как на фронте, так и в тылу.

Рейд Донского корпуса Мамонтова.

(Схема 7)

В полном соответствии с серьезностью задач, возложенных на Донские войсковые части, предназначенные для прорыва Южного большевизмского фронта и для разрушения тылов советских армий, Донским командованием была произведена соответствующая подготовка. В ударную группу были собраны лучшие по своим боевым качествам Донские войсковые части и командиры. Собранные войска были названы 4-м Донским корпусом. Во главе этого Корпуса был поставлен весьма популярный среди казаков, очень энергичный ген. Мамонтов.

Численность 4-го Корпуса ген. Деникин определяет в 7 тысяч (Деникин. Очерки, 5, стр. 120). Согласно же большевизмским данным "общая численность корпуса достигала 9.000 сабель и штыков" (М. Рымшан. Рейд Мамонтова. Издание Управления по исследованию и использованию опыта войн. Москва. 1926 г., стр. 17).

Должно быть так же признано, что весьма удачно было выбрано место для прорыва красного фронта — стык 8-й и 9-й сов. армий, внимание которых было приковано: 8-й жарков, почти непрерывными боями в районе Лиски-Бутурлиновка, а 9-й — такими же боями в районе Балашова, Борисоглебска и Новохоперска.

Согласно директиве № 0300/К, от 12 июля 1919 г. Командующего Донской армией ген. Сидорина, 4-му Корпусу ставилось задачей а) прорвать фронт большевиков в промежутке между Новохоперском и Таловой, б) оказать содействие 3-му Дон. корпусу в ликвидации Таловской группы красных и в) направиться в глубокий тыл и овладеть г. Козловым, где помещался штаб Южного сов. фронта.

Приказом того же командующего от 20 июля было указано: "4-му Корпусу ударом в направлении на Таловую — узловая станция на железн. дороге Балашов-Лиски и далее по тылам противника на запад содействовать разгрому 3-им Дон. Корпусом Бутурлиновской группы красных и соседних с ней частей и занятию Лискинского узла, начало операции 22 июля" (курсив редакции).

Из сравнения этих двух директив видим, что первая из них главной задачей для 4-го Корпуса ставила взятие г. Козлова, а вторая указывала на необходимость движения в общем на г. Воронеж, т. е. в первом случае, движение на север, а во втором, на запад или северо-запад.

Штаб Донской армии пояснял, что "уклонение 4-го Корпуса от направления, намеченного директивой № 0300/К, вызвано настойчивыми просьбами Наштакора 3-го Дон. корпуса о более существенной помощи 4-го Корпуса в операции 3-го Корпуса, без чего у Наштакора 3 не было надежды на выполнение операции против Лискинского узла" (курсив редакции). Это признание Наштакора 3 следует помнить при оценке дальнейших операций 3-го Донского корпуса.

Выход корпуса Мамонтова в тыл 8-й сов. армии. крепко занимавшей важный Лискинский железно-дорожный узел и ведшей упорнейшие бои в районе р. Битюга и Бутурлиновки, мог бы иметь решающее значение в деле разгрома этой красной армии, что без

сомнения, могло бы иметь значительное влияние на последующую борьбу. Однако, Мамонтов не исполнил приказа о **непосредственной помощи** 3-му Донскому корпусу, ведущему неравную борьбу на огромном фронте от г. Корочи до Бутурлиновки включительно.

Неисполнение этого важного и ясного приказа ген. Мамонтов, в донесении Штабу Донской армии от 6 августа 1919 г., пояснял следующим образом:

...“С 27 на 28 июля, Корпусом предпринят был маневр с целью обхода Архангельской группы противника через Еланское Колоно на Макарово. Решение было принято на основании данных воздушной разведки, произведенной вечером 27 июля. Начавшийся ночью ливень, обративший ложины и овраги в потоки, в которых плавали повозки и тонули лошади, не позволил выполнить намеченный маневр. С невероятными усилиями 4-й Корпус сосредоточился к 12 часам в Еланском Колоно. В 16 часов обозначилось наступление красных со стороны Макарово: наступал 358 полк 3-ей бригады 40-й дивизии. Красные были разбиты наголову и полк полностью — свыше 500 чел. — при 4-х пулеметах взят в плен. Части Корпуса непосредственно после боя двинуты были вечером 28 июля на Макарово (на север, примеч. редакции). Условия движения в ночь на 29 были столь же тяжелы, как и накануне, от возобновившегося проливного дождя и вязкости грунта. На рассвете 29 июля части Корпуса выбили красных из Макаровских двороков и повели наступление на дер. Макарово, которое занималось 359 и 360 полками. В виду крайнего утомления лошадей и непролазной грязи, бои пришлось вести почти исключительно в пешем строю... В виду непрекращающегося дождя и крайне тяжелых дорог к западу от р. Савала, Корпус 30 июля был двинут по левому берегу р. Савала на север, где вследствие песчанного грунта дороги находились в лучшем состоянии. **В виду так неблагоприятно сложившейся обстановки, пришлось изменить и ближайшие задачи действий корпуса, наметив для уничтожения вместо Архангельской группы части противника, высаживающиеся на ст. Терновка, а также разрушение железной дороги Борисоглебск-Грязи**”...

Таким образом, Корпус Мамонтова, вместо западного направления, взял северное и северо-восточное. Директива Командующего Донской армии осталась невыполненной, и 3-ий Донской корпус продолжал сам вести борьбу на выше означенном огромном фронте. Это скоро привело к весьма печальным последствиям.

Согласно тому же донесению командира 4-го Донского корпуса от 6-го августа, захват участка названной железной дороги имел следующие последствия для красного фронта: ...“30 июля Корпус не встретил сопротивления красных. Высаживающиеся войска на ст. Терновка оказались пополнением для 31-й сов. дивизии, наполовину вооруженные винтовками. Всего в этот день взято свыше 3-х тысяч человек пленных и, кроме того, распушено в районе Макарово-Терновки до 5-ти тысяч мобилизованных. В этот день нами захвачено между Терновкой и Жердевкой несколько паровозов и около 250 вагонов, груженных снарядами, патронами, ручными гранатами и интендантским имуществом”...

Получив сведения о прорыве казаками фронта русских армий, командующий Южным советским фронтом издал следующий приказ командующему особой ударной группой красных в составе 9-й и 10-й сов. армий: “Конные части генерала Мамонтова, прорвавшись на стыке 8 и 9 армий, продолжают распространяться вглубь расположения армий фронта в направлении на Тамбов и Грязи. По некоторым данным можно предполагать, что за конницей следует и неприятельская пехота со стороны Новохоперска и Борисоглебска в направлении на Жердевку. Левофланговые части 8-й армии боем восстановили положение. Правый фланг 9 армии пришел в расстройство; 13 и 8 армии 2 августа приступают к выполнению операции (переход в общее наступление), согласно директиве... С получением сего предписываю Вам принять решительные меры для немедленной ликвидации прорыва на стыке 8 и 9 армий и для восстановления фронта. Девятой армии

иметь в виду, что потеря времени на руку только противнику, который, используя его для развития успеха, может сорвать операцию 13 и 8 армий. Вместе с тем **приказываем вам ускорить переход в общее наступление армий вверенной вам группы, который, находясь в планомерной связи с действием правого фланга армий, должен вылиться в исполнение общей наступательной операции Южфронта, указанной в директиве прошлой**” (М. Рымшан. Рейд Мамонтова, стр. 19).

Из этого приказа видно, что красное командование ни на один день не задержало осуществления общего плана наступления главной (Шорина) и вспомогательной (ген. Селивачева) ударных групп Южного сов. фронта. Все же исследователи этих событий ген. штаба полковник Егоров признает, что “красное командование было сразу же поставлено в чрезвычайно затруднительное положение: конница, которую следовало бы противопоставить этому сильному вторжению находилась далеко на левом фланге группы Шорина у Красного Яра. Приходилось отрывать пехоту от выполнения поставленных ей задач на фронте и уже к вечеру 29 июля обе группы, и Шорина и Селивачева, должны были по директиве командюжа назначить 31-ю дивизию (из 8-й армии) и 36-ю дивизию (из 9-й армии), что, конечно, не могло не оказать ощутимого отрицательного влияния на ход предполагаемого наступления красных. А когда командюж следующей своей директивой возложил задачу ликвидации рейда на Шорина, последний вынужден был помимо 36-й дивизии назначить для ликвидации Мамонтова и свой резерв — 56-ю дивизию. Требование командюжа — закрыть образовавшийся прорыв силами 9-й армии — ставило эту последнюю в очень затруднительное положение, ибо вся группа по той же директиве фронтового командования должна была начать общее наступление”... (цит. выше работа Егорова, стр. 115-116).

Приведенные выше большевистские данные ярко характеризуют то, какое значение имел этот смелый казачий рейд в своей первоначальной стадии развития.

В то же время сам Мамонтов в своем донесении Штабу Донской армии пояснял: ...“Переутомление лошадей в течение 27, 28, 29 и 30 июля при необычайно тяжелых условиях вынудило отказаться от больших переходов, вследствие чего 30 июля корпус перешел в район Туголуков - Тандинцево, ближайшей целью оставалось овладение г. Тамбовом”... Тем не менее и все дальнейшие действия этого корпуса отличаются большой продуманностью и выдающейся, чисто казачьей, энергией и быстротой удара.

Из района г. Кирсанова против войск Мамонтова была направлена 56 стрелк. дивизия, имевшая ближайшей целью охрану железной дороги Балашов-Тамбов. Но 2 августа 48 Донской конный полк перехватил эту ж. дор. в районе Чакино-Осиновка, разгромив и обратив в паническое бегство стрелковый полк красных, при чем казаки привели в полную негодность этот участок железной дороги.

С юго-востока против войск Мамонтова форсированным маршем наступала Кавалерийская бригада 36-й стрелк. дивизии, но, как признают большевики, у деревни Сукманка эта бригада была на голову разбита казаками и рассеялась по всему району (Рымшан. Рейд Мамонтова, стр. 21).

Прервав сообщение по жел. дороге Грязи-Борисоглебск и по желез. дор. Тамбов-Балашов, Мамонтов направился на гор. Тамбов, бывший главной базой южного советского фронта. “К югу и западу от Тамбова имелись укрепленные позиции противника — окопы полной профили, укрепленные полосой проволочных заграждений в три-четыре ряда кольев. Чтобы обойти укрепленную полосу, Корпус 3 августа перешел в район д. Липовцы, а 4 августа двинут был на Арапово... 4 августа взорваны были мосты в районе Селезни у ст. Самбурово. 5-го августа части Корпуса при сильном сопротивлении противника вошли в г. Тамбов... В районе Тамбова распушены по домам до 15-ти тысяч мобилизованных... Вся операция от Абрамовки — место прорыва большевистского фронта — до Тамбова построена была на маневре, вследствие чего наши потери ничтожны — всего до 20 казаков убитых и ране-

ных" (из донесения Мамонтова Штабу Донской армии).

Таким образом, в короткий промежуток времени, с 27 июля по 5 августа, казаки корпуса Мамонтова прошли с боями около 200 верст, достигнув весьма больших успехов: они перерезали три железных дороги — Грязи-Борисоглебск, Тамбов-Балашов и Козлов-Саратов, прервали связь между штабом Южного сов. фронта и командующим группой из 9-й и 10-й советских армий Шориным, вследствие чего Москва приняла непосредственно на себя руководство действиями Шорина; Мамонтов распустил по домам более 20-ти тысяч мобилизованных русских (из сводки Донской арм. за 12-е августа 1919 г.).

Еще более важное значение имела моральная сторона этого блестящего нового рейда казачьей конницы. "Видя неустоячивость вновь сформированных частей, разбегающихся при появлении лишь раз'ездов противника", говорит автор исследования о рейде Мамонтова коммунист Рымшан, "а также стремительное продвижение корпуса Мамонтова вглубь фронта", на борьбу с конницей Мамонтова были брошены не только 56 и 36 стрелковые дивизии, принадлежавшие к советским армиям Южного фронта, но была вызвана 21 стрелковая дивизия с Восточного, противокочаковского фронта (Рымшин, выше цитированная его работа, стр. 22).

В виду непосредственной угрозы со стороны 4-го Донского корпуса месту пребывания штаба южного советского фронта — г. Козлову, уже 4-го августа "часть штаба была свернута и погружена в вагоны; вывезти весь штаб считалось пока еще преждевременным, так как это деморализующим образом отозвалось бы на работе штаба группы Селивачева. На случай необходимости драться в самом городе, предполагалось наиболее важные документы уничтожить, а ответственным сотрудникам драться до последнего патрона. Все угрожаемые районы спешно укреплялись".

"Однако, плохая организация, пассивность некоторых созданных для борьбы на местах революционных комитетов (ревкомов), малая боеспособность наспех сколоченных частей, отсутствие в распоряжении командования опытного и стойкого командного и политического состава — все это имело своими последствиями неудачу всех мер, предпринимаемых для остановки прорвавшегося противника.

С другой стороны, меры принятые самим Мамонтовым, обеспечивали ему, правда, весьма кратковременный и крайне непрочный, но все же успех. В числе этих мер наибольшее сочувствие населения вызвала раздача разграбленного Мамонтовцами советского, общественного и даже частного имущества"... (там же, стр. 23).

Пребывание казаков в Тамбове и его районе чрезвычайно обеспокоило большевистский Центр. 5 августа Троцкий писал:

"...Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тамбовской губ... Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы... Опасность должна подстерегать белых бандитов изо всех углов, из-за каждого холма, изо всякого оврага..."

При приближении (казаков) крестьяне должны угонять своевременно лошадей, скот, телеги, увозить хлеб и всякую снедь. Чего не успеют увезти — уничтожить. Советская власть покрывает все понесенные убытки..."

Коммунисты, на передовые посты!.. Нужно прек-

расно поставить разведку... Там, где белые вздумают заночевать, их должен пробудить пожар. Их конница должна натолкнуться на колючие проволоки там, где накануне был открытый и свободный путь... На территорию Тамбовской губ. ворвалась деникинская стая хищных волков, которые режут не только мужицкий скот, но и рабочий люд. На облаву, рабочие и крестьяне! С оружием и с дубьем! Не давайте хищникам ни времени, ни срока, гоните их со всех концов! Ату белых! Смерть живорезам" (Как вооруж. революция, т. 2-й, книга 1-я, стр. 271).

Так истерически вопил большевистский военный министр. Подобные призывы Троцкий повторял и в последующие дни.

Пока Россия организовывала силы для уничтожения корпуса Мамонтова, последний из Тамбова двинулся на г. Козлов. Сильными короткими ударами уничтожая на своем пути все препятствия, 9-го августа Донцы захватили самый Козлов, принудив штаб южного фронта бежать в г. Орел.

"Хозяйничанье Мамонтова принимало все более и более угрожающие формы. Главное командование пришло к заключению, что командование южным фронтом не в силах удержать наседающего Деникина и одновременно ликвидировать прорвавшуюся массу конницы. Вследствие такого раздвоения, фронтное командование не могло выделить достаточных сил, чтобы сразу пресечь беспрепятственное разгуливание Мамонтовской банды по тылам, наводя ужас и панику на тыловые неокрепшие красные части и население. Требовались срочные организационные меры, с привлечением, помимо красных частей, всех местных советских организаций и населения для того, чтобы общим дружным напором уничтожить опьяненную успехом банду Мамонтова, которая от грабежей и пьянства начинала уже разлагаться. 10 августа революционный военный совет республики возлагает на члена РВС Южного фронта г. Лашевича ликвидацию мамонтовского рейда, подчинив его в оперативном отношении командованию этого фронта. Совет Обороны Республики постановляет объявить на военном положении: Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую, Тамбовскую и Пензенскую губернии и учредить в губернских и уездных городах военно-революционные Комитеты. К казакам Мамонтова 11 августа было выпущено воззвание, в котором председатель революционного военного совета, обратившись к ним, как к обманутым людям, обрисовал им достигнутые уже Красной армией успехи по ликвидации рейда и, считая их положение безвыходным, предложил казакам примириться с рабочими, крестьянами и красноармейцами всей страны, выдав своих "преступных командиров" (там же, стр. 29).

Выше приведенные слова большевистского исследователя прошлых событий свидетельствуют, какое огромное значение имел рейд казачьей конницы. В короткий время Мамонтовцы блестяще выполнили возложенную на них весьма трудную задачу.

Дальнейшее развитие этого рейда находится в полной зависимости от событий на общем фронте казачье-русской борьбы. В это время успешно продвигалась вперед главная ударная группа красных войск Шорина вдоль р. Волги, а также по р. Медведице и р. Бузулуку. Вспомогательная ударная группа советских войск ген. Селивачева тоже достигла больших успехов между Воронежем и Белгородом в направлении на Валуйки-Купьянск и на Харьков.

(Продолжение следует)

Во франко-советских переговорах произошли "недоразумения". Не исключена возможность вообще прекращения переговоров о союзе Франции и Сов. России. Противники такого союза в самой Франции подняли голову. Большая парижская газета "Жур" пишет 23 апреля:

"...Говорят, что подписать договор с Москвой, это значит вновь сблизиться с Малой Антантой, которая вдруг обнаружила в себе такую страстную любовь к России. Но сколько опасностей противостоит этим небольшим выгодам! И как отвратительно связываться с людьми, которые сами связываются неискренно! Отсрочка переговоров — это как раз случай еще раз подумать..."

А. Ленивов.

ДОНСКОЙ МУЗЕЙ И ДОНСКОЙ АРХИВ

В 1907 г. в Новочеркасске был напечатан "Краткий очерк истории Донского Казачества", труд Харитона Ивановича Попова. Известный своими археологическими исследованиями на Дону (раскопки у Половецкой крепости Саркея (Белая Вежа) в районе хут. Попова, ст. Цымлянкой и др.), Х. И. Попов доказывал и утверждал в своем труде, что именно новгородская вольница являлась родоначальником Донского Казачества! Интересуясь судьбами прошлого Донских казаков, Х. И. Попов проявил много энергии и труда для того, чтобы создать надежное хранилище для исторических реликвий Донского Войска: его труды увенчались известным успехом и в 1898 г. в Новочеркасске был открыт Донской Войсковой Музей, который имел особое здание на углу Атаманской ул. и Платовского проспекта в Новочеркасске. В Музее хранились все исторические знамена, войсковые клейноды, различные регалии и т. д. Помимо того, в Музее было собрано все относящееся к истории Донского Края, как-то: различные вещи (монеты, вазы, кресты и т. д.) обнаруженные при раскопке, старинное оружие, образцы казачьих форм, образцы минералов, и т. д. В декабре 1919 г. при отступлении Донской армии, из Новочеркасска был вывезен Донской Музей (именно: исторические знамена, войсковые клейноды, различные регалии) и в дальнейшем эвакуирован за границу.

Позже Донской Музей был перевезен из Турции в Чехо-Словакию.

Представляют ли Донские сказки, что находится в Донском Музее? Смейем думать, что весьма мало казаков знает об этом, и именно потому, что подобное знание отнюдь не входило в расчеты Донского Правительства г. Мельникова. Оставляя за собой право разбирать этот вопрос в будущем в более подробном изложении, ограничимся в данный момент всего лишь тем, что надлежит знать каждому Донскому казаку, пребывающему на чужбине. Не мешает помнить и о том, что ответственность за войсковые регалии, дела, капиталы и имущество, вывезенное за границу, лежит на совести и чести Донских казаков в эмиграции, которых когда-то запросит по этому поводу возродившееся Донское Войско...

В Донском Войсковом Музее вывезенном за границу находятся: а) Войсковые знамена от 1705 г. (возобновленные в 1746 и 1803 г.г.), 1722 г. 1733 г., 1735 г. (Войску Донскому за оказанные службы для ученого с Его Шаховым Величеством вечного мира"), 1744 г., 1746 г., 1775 г., два Войсковых знамени от 1795 г., 1800 г., 1811 г.; б) Войсковые Георгиевские знамена от 1817 г., 1832 г., 1849 г., 1856 г., 1868 г., 1870 г., 1870 г.; в) тридцать простых знамен походных, без надписей (из них: 15-ть красного цвета с голубыми каймами и 15-ть голубого цвета с красными каймами) и четыре бунчука в виде знамен, из которых два желтого цвета с алыми каймами, без надписей, а два малые белого цвета, с надписью "за веру и верность", — пожалованных Петром 1 в 1711, 1716 и 1720 г.г., возобновленных по обветшалости Александром 1 в день 20 октября 1804 г.; в) двадцать два знамени, из коих 8 Георгиевских и 14 простых, пожалованных в 1805 г., 1813 г., 1816 г., 1829 г., и 1830 г. Донским полком уже распушенным; г) множество полковых знамен Донских казачьих полков первой, второй и третьей очередей (Георгиевских знамен и штандартов, и простых знамен). Всего же в Донском Войсковом Музее находится до 300 исторических знамен Донского Войска.

Помимо ряда серебрянных труб, полученных Донскими казачьими полками и батареями "за отличия", в Донском Войсковом Музее находятся Войсковые клейноды. К числу последних принадлежит: 1) Герб Войска Донского города Черкаска на древке в виде хоругви, пожалованный 12 октября 1803 г., 2) Сабля императора Александра 1, пожалованная Донскому Войску 19 марта 1826 г., 3) Пернач, с надписью "Божиею милостию, Мы Елисавета Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская, и проч. и проч. и проч. по-

жаловали сей пернач, вместо данного в 1796 году, Нашего Войска Донского Войсковым Атаманам в знак их управления и т. д." (Пернач состоит из серебрянной позолоченной трости, длиною в аршин, с головкою на верхнем конце. Головку составляют восемь серебрянных позолоченных пластинок, с одной стороны овальных, прикрепленных ветикально вокруг трости на подобие перьев, и вместе образующих вид шара). 4) Бобылев хвост или бунчук, пожалованный Елисаветою Петровной в 1746 г. вместо данного Петром 1 в 1706 г. (Бобылев хвост состоит из древка с серебрянным позолоченным на верхнем конце шаром, под которым прикреплен белый конский хвост, оправленный сверху в серебрянную позолоченную трубку), 5) Бунчук пожалованный Екатериной II от 9-го декабря 1779 г., с надписью "Войска Донского Войсковому Алексею Иловайскому и т. д.". (Булава состоит из трости черного дерева длиною в аршин, с головою в виде шара и наконечников — серебрянными позолоченными). 7) Насека, пожалованная Екатериною II 9-го декабря 1779 г., с надписью "Войска Донского Войсковому Атаману Алексею Иловайскому и т. д.". (Насека состоит из деревянной трости, длиною в 2 1/4 аршина, с серебрянною позолоченною головкою, из двух граних сжатых один на другом шаров: на верхнем шаре два металлических черные орла, крестообразно пересекающиеся), 8) Насека, пожалованная Петром 1 21 сентября 1704 г., с надписью: "Насека Войска Доиского 1704 года". (Насека состоит из деревянной трости, длиною в два с полов. аршина, с резьбою по всей длине в виде сучьев, окрашена под цвет орехового дерева, на верхнем конце серебрянная головка), 9) Насека малая в серебрянной оправе.

Мы уже обращали внимание Донских казаков, что нельзя допустить, чтобы председатель "несуществующего" Правительства (Н. М. Мельников) мог спокойным образом уйти не дав отчета о том, как были растрчены Донские Войсковые капиталы. Напоминали мы казакам и о том, что исчезла Атаманская булава...

В настоящей очерке мы напоминаем о Войсковых клейнодах Донского Войска, хранящихся в Донском Войсковом Музее, дабы казаки могли убедиться не только в их исторической, но и в материальной ценности. Однако, указанные клейноды сделанные из серебра с позолотой, находятся и ныне в Донском Войсковом Музее, не достает лишь десятого клейнода, взятого Н. М. Мельниковым и представляющем исключительную историческую и материальную ценность, именно Атаманского пернача...

В Английском Национальном Музее в Лондоне до сих пор хранятся оружие и одежда казака ст. Нагавской — Землянухина, который сопровождал казачьего офицера в Лондон, посланного Атаманом Платовым с сообщением о взятии Гамбурга (в эпоху Наполеоновских войн). В 1813 году по приглашению англичан, побывал в Лондоне и Атаман Платов, которому г. Лондон поднес золотую саблю, украшенную бриллиантами, которая впоследствии хранилась в Донском Войсковом музее. В данное время трудно сказать, хранится ли "Платовская сабля" в Донском Войсковом Музее или нет!

Неужели Донские казаки не интересуются знать описи содержимого Донского Войскового Музея, сланного на хранение в Чехо-Словацкий Национальный Музей, не желают ведать о том, какие реликвии и кем, и по какому праву были изъяты из Донского Войскового Музея в период эмиграции? Если Кубанские казаки проверяли целость и сохранность Кубанских Войсковых регалий (вывезенных за границу) в дни 21-го и 22-го июля 1930 г., то почему Донские казаки не делают и не делают этого?!

В 1643 г. во время занятия и уничтожения турками Черкасского городка, столицы Донского Войска, погиб Войсковой Архив, что было большим несчастьем для Донских казаков. Во время страшного пожара в г.

Черкасске в 1744 г., когда сгорело девять десятых города, Войсковой Архив вновь погиб. Наконец последний пожар постиг Войсковой Архив в 1858 г., когда в нем погибла значительнейшая часть документов, накопившихся после предшествующего пожара 1744 г., ибо до пожара 1858 года в Войсковом Архиве находились дела с 1743 г., в пожаре сгорел почти весь 18-й в. Несчастье казаков заключалось в том, что погибли дела и документы, которые устанавливали происхождение Донских казаков. Конечно, не в интересах русских историков почитать Донских казаков за особый народ, а потому пользуясь отсутствием надлежащих документов о происхождении казаков, русские историки производили и производят начало казаков от беглых холопов из Московского Государства!!! Однако, "шила в мешке не утаишь", были времена, когда еще существовали документы, устанавливающие происхождение казаков. Считала Донских казаков особым народом и **Российская Императорская Академия Наук.**

В наших руках наряду с прочими книгами и документами, имеется книга, изданная Императорской Академией Наук в 1732 году в С. Петербурге, именно: "Древние Азовские и Крымские известия. — Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу. — Переведено с немецкого языка чрез I. К. Тауберта, Академии Наук Адъюнкта. — В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1732 года". В этой книге имеется много любопытного и содержательного материала для историков, в частности и для "русских" казаков. К примеру, читаем на стр. 46-47: "Великий князь Владимир имел потом жестокие войны с Печенегами, также и с Болгарами по ту сторону Дона, которые от Болгар на Дунае весьма разнствуют. Но при том надлежит сожалеть, что о сем том славном Государе так малое известно в Российских летописях находится, потому что многие важные дела записаны от чужестранных писателей, а у Российских нет о том ни малого следу. Однакож их молчание мне ни мало в том не препятствует, чтоб я не мог основательно надеяться, что он был первый из Российских Государей, которые взяли Азов. Он разделил своим сынам, которых находилось немалое число, правление некоторых, а особливо отдаленных провинций. Из оных имел Мстислав свою резиденцию в Тмутаракани, которой город называется ныне Темрюк. Там покорил он себе в 1021 году распространившихся казаков, и отправил их в 1023 году вместе с Хозарами против своего брата, великого князя Ярослава, а в 1024 году сам за ними последовал".

На стр. 47-48 — читаем: "И так жили уже во время Цесаря Константина Порфирогенеты оные казаки, которых Мстислав себе покорил, в южновосточной от себя крепости (Тамани) до Кавказских гор. По тому может всяк рассудить, как бы Россия возможно было все оные места содержать в своей власти, и казаков, как храбрый народ, привести под свою державу, ежели бы она всюю рекою Доном и следовательно Азовом не владела. Правда, что Половцы лишили потом Россиян себя пользы, и победили великого князя Всеволода в 1061 году в жестоком сражении. Однакож нахожу я, что Российский Князь Ростислав владел еще в 1064 и 1065 годах крепостью Темрюком, и привел опять в послушание казаков..."

На стр. 79 можно читать: "Казаки почитались всегда за храбрый, сильный народ. По свидетельству Константина Порфирогенеты известны были они уже в 948 году, и жили в нынешней Кабарде, близ Кавказских гор, где они от великого князя Мстислава, как выше показано, в Российское подданство приведены были. Польские писатели объявляют о них разные несомнительные басни: но сие показывает токмо подлую их ненависть против сего храброго народа. Особенно укоряют они их тем, будто они состоят из беглых людей. Хотя то и подлинно, что они всегда принимали россиян, поляков и других, которые у них искали прибежища. Однакож сие не мало тому не препятствует, чтобы казаков не можно было почитать за древней и по их состоянию за изрядно учрежденной народ" и т. д.

Выводы предоставляется сделать самим казакам.

Очевидно, колоссальную ценность представляли собой дела и документы Войскового Архива, горевшего в 1643, 1744 и 1858 г.г. Что бы было, скажем, если бы Войсковой Архив не горел и сохранился в полной неприкосновенности к нашим дням!

С созданием Донского Музея в Новочеркасске, постепенно был сосредоточен в нем и Войсковой Архив: некоторая часть дел и документов Войскового Архива сохранялась в помещении при Войсковом Кафедральном собрании в Новочеркасске, например: подшитые дела ("сшивы") Войскового дежурства и Войсковой канцелярии с 1836 г. по первые года 20-го ст. и т. д.

Одновременно с Донским Войсковым Музеем, был эвакуирован в декабре 1919 г. из Новочеркаска на Кубань, а потом и за границу, где и был вывезен в Чехо-Словакию. В эмиграции Донской Войсковой Архив продолжал вести работу по собиранию материалов, относящихся к истории Казачества, причем Донской Атаман назначил заведующим Архивом П. А. Скачкова, а помощником его ген. Аврамова.

Что же находилось в составе дел и документов, хранившихся в Донском Войсковом Архиве, казаки не знали, ибо "несуществовавшее" Донское Правительство избегало высказываться по этому поводу. Одной из причин, конечно, была боязнь углубления самостийных течений в среде Донского Казачества.

Еще не время опубликовать полный список дел и документов, но все-же о некоторых из них, находящихся в Донском Войсковом Архиве, сообщим уже в настоящее время...

В донском Войсковом Архиве находятся дела Атаманской канцелярии (с 1756 г. по 1889 г.), хоперского сысчного начальства (с 1741 г. по 1836 г.), целого ряда станичных архивов: старочеркасского (с 1719 г. по 1822 г.) каинтвенского (с 1727 г. по 1870 г.), вешенского (с 1777 г. по 1852 г.) и др. Ценную часть Донского Войск. Архива составляют определения войсковой канцелярии, войскового гражданского правительства и войскового правления, именно за 1776 г. (г. 1-2) 1777 г. (ч. 1-3), 1787 г., 1790 г. (ч. 1-2), 1792 г. С 1804 г. по 1836 г. имеются определения общего присутствия войсковой канцелярии за все годы; правда не за все месяцы, например: за 1804 г. есть определения за март, апрель, май, июнь, ноябрь, из 1805 г. отсутствуют определения за 2 месяца и т. д. В делах находившихся в здании при Войсковом Кафедральном собрании и потом переведенных в Донской Архив, существует много дефектов, например: в сшитой папке дел мартовских определений 1840 г. вырваны листы (2 листа), в 1-й части определений за 1851 г. нет конца и вырвано начало, за 1852 г. нет конца, из 1861 г. нет определений за август. Некоторые из дел в период нахождения в соборных помещениях погнили, например: из 1838 г. октябрь, ч. 1 и 2, январь, ч. 2, май, ч. 1, и т. д. Имеются также дела войскового правления после 1858 г. Имеется в Донском Войсковом Архиве обильный материал по истории возмущения Донских казаков в 1792-1793 г.г. из-за выселения казаков на Кубань, часть материала (весьма незначительная) была напечатана в "Трудах Донского Войскового статистического Комитета (вып. 1 отдел П. Новочеркасск. 1867 г. стр. 21-53).

Официальные копии дел Донских, Крымских, Нагайских, Калмыцких и Турецких, находившихся в Московском Архиве Иностраных дел, равно как и официальные копии дел Разрядного приказа, находившихся в Донском Войсковом Архиве. Высочайшие приказы о чинах военных с 1828 г. приказы Военного Министра с 1850 по 1870 г.г., приказы по Военному Ведомству с 1870 г., сборники Правительственных распоряжений по Казачьим Войскам с 1865 г. по 1917 г. указы к этим сборникам и т. д., также имеют местонахождение в Донск. Войск. Архиве.

Помимо целого ряда старинных грамот, ряда отдельных исторических документов, географических карт, фотографий, редких книг по истории Казачества, комплектов казачьих газет и журналов до и пореволюционного периода, в Архиве имеются чрезвычайно исторической ценности документы, относящиеся к периоду ведения Донскими казаками войны против боль-

шевиков, и нахождения казаков в эмиграции и т. д., и т. д.

Все казаки в полной мере могут отдать себе отчет в том, что собой представляет Донской Войсковой Архив в целом.

Кто же может распоряжаться судьбами Донского Войскового Музея и Донского Войскового Архива?

Передать Донской Войсковой Архив в руки русской эмигрантской организации, передать скрытным образом от всех казаков, передать не только войсковое имущество, а и "метрику" Донского Войска чужим людям, — мало возмущаться, нужно более решительное вмешательство Донских казаков в защиту своих прав и своего достоинства.

Кто-же передал Донской Войск. Архив в руки Русского заграничного исторического архива в Праге?

Где-же вы, Донские правители, где же члены, носители и защитники казачьих прав, где же члены Большого Войскового Круга В. В. Д., где же вы Донские старшины, где же, наконец, все Донские казаки? О

чем вы думаете, на что надеетесь, если отдаете или продаете историю своих отцов, дедов, прадедов, пращуров — в чужие руки? Где же ваша казачья честь и совесть?... Или тягости эмигрантской жизни убили в Донских казаках чувство ответственности за вывезенные войсковые регалии и Архив Донского Казачества?!

Кто же, наконец, отстаивает честь, свободу и славу Донского Войска! Расхищали войсковые капиталы — Донские казаки молчали; исчезла Атаманская булава — Донские казаки молчали; продавались казачьи документы — Донские казаки молчали, надругались над Донской Конституцией — Донские казаки молчали!... Что же теперь скажут Донские казаки об участии Донского Войскового Архива?

Подумайте, помыслите, Донские казаки! Что мы будем представлять собой, когда в наших руках не будет даже метрического свидетельства о том, что мы казаки!... Этим свидетельством в значительной мере являются исторические акты, документы и дела, составляющие собой Донской Войсковой Архив...

П. Л. Макаренко.

Рецензия на книгу ген. штаба полк. проф. А. Зайцова „1918 год“

(Окончание).

Если антибольшевицкие силы внутри самой России, как говорит А. Зайцов, "были близки к нулю", само собою возникает вопрос, кто же укрепил советскую власть в России, кто организовал внутреннюю жизнь в красном русском государстве и кто организовал, кто вел в бой красные военные силы, от нападения которых принуждены были защищаться Казачьи Войска. Кто и из кого создал "красную" армию и бросил ее на покорение народов, вырвавшихся на волю из русской тюрьмы?

И снова мы должны признать, что полк. Зайцов, в общем, объективно описал процесс организации вооруженных сил большевицкой России.

Он говорит, что "к сентябрю численность Красной армии все еще не превышала 550 тысяч" (стр. 179). Но всего через два месяца, "к окончанию Мировой войны (Красная армия) достигала до 800 тысяч", утверждает А. Зайцов (стр. 273).

Ни у кого не может быть сомнения в том, что подавляющую массу этих сотен тысяч бойцов составляли настоящие русские люди. Поэтому о национальном составе русской "красной" армии просто излишне говорить, до того этот вопрос ясный.

Более важным вопросом является вопрос о командном составе этой армии. Разбирая вопрос об укомплектовании командным составом красной армии, полковник Зайцов говорит о большом значении пограничной "завесы", организованной советской властью на всем фронте германо-австрийской оккупации 1918 г., от Финского залива до Дона:

"Завеса эта, неся кордонную службу против немцев, дала возможность большевикам вобрать в себя большое количество старого офицерства, которое, в то время еще не принимая гражданской войны, охотно поступало на службу в завесу "для борьбы с немцами". Одновременно с этим "завесы" явились центрами формирования для фронтов гражданской войны"... (стр. 180).

Еще более важно признание полк. Зайцовым следующего факта: "В 1918 г. основой командного состава Красной армии являлись все таки офицеры старой армии" (стр. 184).

Не менее важное значение имеет и следующее объективно правильное, утверждение автора книги "1918 г.": "Наряду с бывшими офицерами, в еще большей степени, основой кадров Красной армии в 1918 г. являлись унтер-офицеры нашей старой армии. Действительно, при общем количестве призванных в Красную армию за 1918 год в 752 тысячи, наряду с 22 тысячами бывших офицеров, было призвано и 130 тысяч

унтер-офицеров. Иначе говоря, если на 1 офицера в Красной армии 1918 года приходилось около 30 красноармейцев, на каждые 4-5 красноармейцев приходился один унтер-офицер старой армии. Они то и послужили остовом Красной армии" (стр. 184).

Признав, что Красная армия состояла из русских людей, что организаторами этой армии были офицеры и унтер-офицеры старой, царской армии, иначе говоря, признав что Красная армия, по существу, была действительно русской армией, полк. Зайцов, путем довольно сложных рассуждений, старается показать, что "за весь 1918 г. большевикам удалось привлечь на службу в Красную армию лишь около 10 процентов офицерского состава нашей старой армии" (стр. 183).

Русскому офицерству из антибольшевицкого лагеря может быть весьма неприятным сознание того, что Красную армию организовывали и в бой вели офицеры царской армии, а значит, эти офицеры фактически активно помогали советской власти разбить антибольшевицкие армии и укрепить сов. власть не только в собственно России-Великороссии, но и на землях соседних народов.

Все же не можем не отметить, что и в этом случае исследование полк. Зайцова не может быть признано ни научным, ни, тем более, объективным.

Полк. Зайцов пишет: "Всего к концу войны на пяти фронтах нашей Действующей Армии (Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский) состояло 136.000 офицеров. Но к этим 136.600 нужно прибавить еще пленных, раненых, находившихся на излечении в госпиталях и офицеров, состоявших в запасных частях и военно-административном аппарате страны. Каково же было их число? Общее число наших военнопленных офицеров на август 1918 г. составляло 13 тысяч. Затем, за всю войну общее число офицеров раненых, контуженых и отравленных газами составляло — 40-50 тысяч. Наконец, в то время как в Действующей армии на 1-е мая 1917 г. приходилось 136,6 тысяч офицеров на 6.560.000 солдат, или примерно по 1 офицеру на 50 солдат, во внутренних округах (на 1-е февраля 1917 года) числилось еще 1.840.000 людей. Допуская даже, явно неправдоподобное при громозкости нашего тыла, соотношение числа офицеров и солдат в тылу тем же, что и на фронте, то есть по 1 офицеру на 50 солдат, мы получим еще по крайней мере 37 тысяч офицеров. Итак, общее число офицеров нашей армии к началу гражданской войны, по самым скромным подсчетам, составляло не менее 200.000" (стр. 183).

Но и это число, полученное, как видим, путем за-

числения в него пленных, раненых, контуженных и отравленных газами, не удовлетворило исследователя. Поэтому он пишет далее: "Цифра эта является несомненно преуменьшенной. Вероятно, что она ближе к 250 тысячам; так, например, списочный (не наличный) состав офицеров на 1-е мая 1917 года в Действующей Армии дает цифру в 202,2 тысячи офицеров, к которой нужно прибавить еще офицеров тыловых учреждений внутри страны" (там же).

Сравнив 250 тысяч с 22 тысячами, полк. Зайцов восклицает, значит в Красной армии служило только 10 процентов офицеров царской армии.

У нас нет никакого желания увеличивать число офицеров, служивших в красной армии. Все же мы не можем замолчать того, что нам бросается в глаза не объективность рассуждений полк. Зайцова.

Первое. Полковник Зайцов упускает из виду то, что в число 22 тысяч большевицкие военные статистики ввели только число офицеров **мобилизованных** и зарегистрированных по мобилизационным спискам. Самый источник, из которого полк. Зайцов взял это число, называется: "Данные мобилизационного Управления Всероглашстаба". Опубликованы эти данные во 2-м томе, стр. 93, "Гражданской войны 1918-1921 г."

Первый призыв по общей мобилизации рядовых в Красную армию последовал в июне 1918 г., а первый призыв офицеров был 16 июля того же года. И только с этого времени мобилизационное Управление вело регистрацию данных, опубликованных спустя десять лет в выше названном труде.

Иначе говоря, за вторую половину 1918 г. советская русская власть мобилизовала в армию 22.315 офицеров.

Когда большевицкая власть укреплялась в Велюкороссии, ее поддерживала часть офицерства; когда большевицкая власть, укрепившись за сравнительно короткое время в Велюкороссии, в конце 1917 г. ринулась на завоевание земель соседней и добывала Киев, Ростов, Екатеринодар, Оренбург и т. д., в большевицких частях всюду были офицеры.

А разве мало офицеров служило в самых различных большевицких учреждениях? До первой мобилизации офицеров большевицкая власть просуществовала уже 8 месяцев за это время служившие в красных частях или на активных административных должностях офицеры далеко не все вошли потом в списки мобилизованных во второй половине 1918 г.

Второе. Мобилизации офицеров были проведены по декретам и приказам красной власти: от 26 июля, 11 сентября, 1 октября и 3 ноября 1918 г., то есть в то время, когда советская власть крепко сидела **только** в Велюкороссии. Огромнейшие просторы земель всех нерусских народов: **на западе** — финнов, эстонцев, латышей, литовцев, значительной части Белоруссии, всей Польши, всей Украины, **на юге** — земли казаков, все Закавказье, **на востоке:** — Закаспийский край, Туркестан, вся Сибирь, Урал и даже ближайшее Заволжье в состав Большевики тогда не входили. И потому русская советская власть не могла осуществить своих декретов и приказов о мобилизации на этих всех землях.

А кто и на основании каких достоверных данных может определить, сколько десятков тысяч офицеров старой русской армии пребывало на этих землях, недоступных для осуществления мероприятий советской власти? Генерал Деникин, например, говорит, что... "Киев, Одесса, Минеральные Воды, Владикавказ, Тифлис — были забыты офицерами" (Очерки смуты, т. 2-й, стр. 167). А сколько офицеров оставалось в широкой полосе западных народов, до 1917 г. входивших в состав России, и в 1918 г. занятых германскими войсками? А сколько офицеров было на восток от р. Волги?

Если невозможно, хотя приблизительно, определить количество офицеров старой русской армии, находившихся во время большевицких мобилизаций на землях, куда действие советской власти не распространялось, не являются ли дальнейшие рассуждения полк. Зайцова построенными на песке?

Третье. Бывшие офицеры русской царской армии, не принадлежавшие по своему происхождению к русскому (великорусскому) народу, в 1917-1918 годах

начали возвращаться к своим народам и приняли то или иное участие в организации своих **национальных армий** — Финской, Грузинской, Эстонской, Украинской, Латышской, Башкирской, Татарской, Польской и т. д. и даже Сибирской... Кто может определить, сколько было тысяч именно этих офицеров? А, ведь, если дело идет о процентах, то и этих офицеров, раньше служивших в русской армии (поневоле, конечно), надо было бы отсчитать от общего количества офицеров бывшей императорской армии...

Если бы полковник Зайцов мог сказать, что на территории Сов. России в период мобилизации было столько-то офицеров, мобилизации подлежало столько-то, но фактически явилось столько-то, тогда бы еще можно было говорить о каких-то процентах.

Или если бы полк. Зайцов мог сказать: было 250 тысяч офицеров, из них в антибольшевицкие **русские** армии поступило столько-то. Значит, против советской власти активно выступил такой-то процент русских офицеров.

Если бы из насчитанных полк. Зайцовым 250 тысяч офицеров в 1918 году — весной и летом — против большевиков **активно и организованно** выступила, скажем, только пятая часть, т. е. 50 тысяч офицеров, пришлось бы советскому правительству поспешно убираться из Москвы, при условии, конечно, что эта офицерская армия не шла бы против интересов широких трудящихся масс.

Если, по словам полк. Зайцова, пятидесяти тысячная Донская казачья армия была **грозным** противником Москвы, то каким бы противником явилась пятидесяти тысячная офицерская армия, которая могла бы повести за собой во много раз большую крестьянскую армию!...

Разве не было где приложить силы: заслуженные и известные русские генералы — Алексеев и Деникин, Лукомский и Драгомиров и т. д. звали в Добровольческую армию; Атаман Краснов и бывший Командующий Юго-Западным фронтом ген. Иванов и др. звали в Южную армию; другие деятельно приглашали в Саратовский и Астраханский корпус; за Волгой, при поддержке Чехословацкого корпуса, организовывалась Народная армия. Если не нравилась эсеровская Народная армия, можно было поступить к Деникину-Алексееву. Если не удовлетворяла неопределенность программы этой последней, можно было поступить в явно монархическую Южную армию...

Выбор был большой и было где приложить свои патристические силы, духовные дарования и техническую подготовку, но собирались то плохо...

Ген. Деникин не раз "плакал" над гибелью кадров пехотных частей в 1918 г., позже, в 1919 г. оплакал провал с организацией Крымско-Азовской армии зимою, и не раз была на краю гибели блестящая, но страшно малочисленная дивизия-корпус Май-Маевского в Донецком бассейне... Южная армия, это неудачное детище ген. Краснова и русских монархистов, просто разлетелась при первом столкновении с плохо организованными красными частями... Также Народная армия как то незаметно сошла со сцены за р. Волгой.

Почему, в самом деле, 30-40 тысяч чехословаков сравнительно легко могли захватить длиннейшую железнодорожную дорогу от Волги до Владивостока, и почему не нашлось в 1918 г. 30-40 тысяч офицеров, которые бы сдунили советскую власть в Москве весной или летом 1918 г.?

И почему мы теперь можем читать следующее повествование ген. Деникина: "По Кавказу и особенно на минераловодской группе сосредоточилось много тысяч офицеров (на одной группе не менее десяти тысяч)"?...

Но... "в последовавшей летом и осенью 1918 г. вооруженной борьбе из двух, по крайней мере, **десятков тысяч офицеров, приняли участие лишь отдельные лица**, небольшой отряд в 300-500 человек полковника Литвинова и два, три более мелких" (Деникин. Очерки русской смуты, т. 4-й, стр. 101-102).

Все эти мысли приходят в голову, когда читаем восторженное заявление полк. Зайцова, что только 10 процентов офицеров старой армии служило в Красной армии.

Нас совершенно не занимают проценты в данном случае, ибо в гражданских и в национальных освободительных войнах исход борьбы решают не проценты, а что то другое. И в данном случае нас интересует не то, какой процент офицеров императорской армии попал в красную армию, а то, **какую работу осуществили офицеры, попавшие в советскую армию по доброй воле или по мобилизации?** Выше мы уже цитировали мысли полк. Зацова по этому поводу.

Теперь обратим внимание еще на одну, весьма существенную, сторону этого затянувшегося вопроса. Сам полк. Зайцов, как сказано выше, в своем труде отметил, что в русской Действующей Армии в 1917 г. 1 офицер приходился на 50 солдат (стр. 183). А в Красной армии 1 офицер приходился только на 30 солдат (стр. 184). Иначе говоря, **Красная армия была насыщена офицерами в значительно большей степени, нежели русская армия во время войны с центральными государствами и с Турцией.**

Кроме того, как сказано выше, "на каждые 4-5 красноармейцев приходился один унтер-офицер старой армии" (стр. 184).

Не надо забывать и того, что в том же 1918 г. советская власть взяла по мобилизации, кроме офицеров и унтер-офицеров, также чиновников, врачей и низший медицинский и ветеринарный персонал, служивших ранее в императорской армии. Всего же офицеров, врачей, унтер-офицеров, чиновников и медицинского персонала по мобилизации только за вторую половину 1918 года в Великороссии было призвано советской властью 165.113 душ. ("Гражд. война". т. 2-й, стр. 93).

Это число само по себе просто огромно.

В общем то же самое можно сказать и относительно офицеров генерального штаба. Полк. Зайцов говорит, что войну 1914 г. Россия начала, имея 1.396 генералов, штаб и обер-офицеров генерального штаба (стр. 184). Далее, полк. Зайцов полагает, что к началу формирования Касной армии было всего около 1400 офицеров генер. штаба.

Такое приблизительно количество офицеров генерального штаба обслуживало военные нужды государства, которое имело армию в 8.400.000 солдат (стр. 183).

Согласно данным, помещенным в книжке полк. Зайцова, к ноябрю 1918 г. советская Россия имела в Красной армии 800.000 солдат, и естественно для водительства Армией, составлявшей только 1/10 императорской армии, нужно было далеко меньшее количество офицеров ген. штаба, нежели то, какое было в армии, насчитывавшей свыше 8 миллионов солдат.

К сожалению, нет полных данных о количестве офицеров генер. штаба, служивших в Красной армии в 1918 г. Имеются данные только на май 1920 г., т. е. к концу гражданской войны. По этим данным в мае 1920 г. в Красной армии служило 283 офицера генерального штаба.

"Итак", говорит полк. Зайцов, "из числа 1396 офицеров нашего генерального штаба в Красной армии во время гражданской войны состояло лишь 283 офицера или 20,3 процента общего состава нашего генерального штаба. Таким образом, 80 процентов **офицеров нашего генерального штаба было не у большевиков, а против большевиков**", восклицает автор книжки "1918 год".

И снова, полковник Зайцов не на основании точных данных, а на основании допущений и предположений устанавливает общую цифру офицеров генерального штаба во времена гражданской войны; снова умалчивает о том количестве офицеров генер. штаба быв. русской армии, которые возвратились к своим народам и организовывали национальные армии; не говорит о том, какое количество офицеров генер. штаба находилось на территориях, недосыгаемых для советской власти; не говорит о том количестве офицеров ген. штаба, которые в силу старости или по другим каким-либо причинам уклонились от активного участия в работе какой-либо армии... Этих данных просто не имеется, потому на эту тему никакие объективные рассуждения невозможны.

Для нас важна абсолютная цифра офицеров ге-

нерального штаба по тем или иным причинам служивших в русской Красной армии: 283.

Желания полк. Зайцова понятны, но его рассуждения по вопросу о службе офицеров генерального штаба в Красной армии не могут быть признаны объективными. Снова и здесь роль играет не количество, не проценты, а то, какую фактически работу для организации Красной армии, для организации защиты советской власти, для организации вооруженного захвата Казачьих и иных Земель осуществили офицеры генерального штаба.

Сошлемся на суждения ген. Деникина по этому вопросу. Нужно полагать, что этот генерал не хуже полковника Зайцова разбирается в этом вопросе, и лучше полк. Зайцова знает, какую роль в Красной армии сыграли офицеры генерального штаба. Деникин признает, "что красная армия строилась исключительно умом и опытом "старых царских генералов", ...что "все органы центрального военного управления возглавлялись генералами-специалистами — особенно широко был представлен генеральный штаб — работавшими под неослабным надзором коммунистов. Почти все фронты и большинство красных армий имели во главе старших начальников старой армии" (Очерки, т. 3-й, стр. 144). И как бы полк. Зайцов не исчислял проценты, эта трудная работа его не опровергнет действительных фактов, о которых говорит Деникин.

Не следует забывать и того, что быв. старые и опытные офицеры генерального штаба императорской армии создали Красную академию генерального штаба и подготовили целую плеяду "красных" офицеров генерального штаба, пришедших или еще только идущих на смену офицеров Российской Империи.

Если теперь снова вернемся к антибольшевицким фронтам, то увидим, что полк. Зайцов, ссылаясь на свидетельство ген. П. Залесского и быв. Донского Атамана Краснова, рисует ужасную картину полного провала организации в 1918 г. русской "Южной армии", а также неудавшуюся организацию Саратовского корпуса. "Вся эта затея распалась", говорит полк. Зайцов (стр. 248-251).

Такую же печальную картину нарисовал полк. Зайцов, повествуя о борьбе на **Восточном фронте** в 1918 г. "Приволжский фронт разваливался. Чехи не хотели больше воевать, а Народная армия не смогла вернуться. Все надежды обращались на Сибирь" (стр. 231). "Между тем Сибирь, будучи единственной реальной силой на востоке в 1918 г., **очень неохотно шла на полное подчинение директории.** Государственное совещание в Уфе, конечно, ни в какой степени не могло почитаться выразителем мнения всей России. **Единственными не фиктивными представителями на этом совещании были сибиряки и казаки,** и ясно, что они очень неохотно шли на подчинение полусоциалистической, избранной на партийном съезде, власти, к тому же претендовавшей на всероссийское значение" (стр. 233). И далее: "Сибирь не хотела давать пополнений на Самарский фронт Народной армии" (стр. 235).

"За три осенних месяца белый Восточный фронт, потеряв Волгу, откатывался к Уралу. От угрозы Москве, он переходил к обороне Урала. Весь успех весеннего выступления чехов и летних побед на Волге был сведен на нет. Приписывать это только красному командованию, однако, не приходится. Истинной причиной этого было полное неумение белого восточного фронта использовать те возможности, которые ему дало выступление чехов в минуту полной дезорганизации и растерянности красных" (стр. 265).

О Северном антибольшевицком фронте А. Зайцов пишет:

"Мобилизация русских сил шла чрезвычайно медленно, базируясь при этом лишь на новобранцах, то есть на неслуживших ранее в войсках... Собственно русские вооруженные силы были в общем крайне надежны... Однако создание армии в условиях конца 1918 г. на нашем севере подвигалось очень туго... Фактически, на фронте дрались только иностранцы" (стр. 269).

Как видим, полк. Зайцов, в полном соответствии с историческими фактами, отмечает провал русских с де-

лом организации Южной армии в Воронежской губернии, неудачу организации русской Народной армии за Волгой и не успех организации русских антибольшевицких сил на Северном фронте. Если с этим поставить рядом то, что внутри России антибольшевицкие силы были близки нулю, что, напротив того, шла успешная организация русской Красной армии руками офицеров старой императорской армии, станет ясной реальная картина соотношения русских большевицких и антибольшевицких сил.

Весьма подробно полк. Зайцов останавливается на разборе "проблемы Царицына" (стр. 192-202). При этом он доказывает, что Добр. армия совершила крупную ошибку, не пожелав тогда же, весной и летом 1918 г., направиться за Волгу, захватить Царицын и, таким образом, сомкнуть Восточный и Южный фронты. Очевидно, и ген. Головин склонен присоединиться к такой оценке, сделанной полк. Зайцовым (см. его предисловие к книге полк. Зайцова).

"И ликвидация красных сил на северном Кавказе, и обеспечение правого фланга Донского фронта, и ссоединение южного контр-революционного фронта с восточным решались захватом Царицына", пишет автор книги "1918 г." (стр. 193). Нет сомнения, что все эти важные вопросы могли бы быть решены захватом Царицына и последующим продвижением вверх по р. Волге.

Но была ли Добровольческая армия в силах разрешить эту сложную и трудную задачу?

По существу признав, что русское антибольшевицкое движение в 1918 г. сплеховало на Восточном и Северном фронтах, признав, что русские провалились с организацией Южной армии, полк. Зайцов, очевидно, не хочет признать то же самое и в отношении Добровольческой армии генералов Алексеева-Деникина.

Известно, что Донское казачество решительно отказалось признать верховенство руководителей Добр. армии на Донской Земле. Кубанцы тоже отказались признать власть русских генералов на Земле Кубанской, и с этим согласились генералы, подписав военное соглашение с Кубанью 17 марта 1918 г.

В мае того же года Дон и Кубань заключили между собою военно-политическое соглашение, осуществившее совершенно самостоятельно внешнюю политику, как в отношении немцев, так и в отношении соседней Украины.

Военные силы быстро возрождающегося Дона возрастали с каждым днем. Кубань кипела антибольшевицкими восстаниями (Ейское, Уманское, Кавказское. Прочноокопское и т. д.) и к Кубанскому Правительству, временно пребывавшему в южной части Донской Земли, прибывали все новые кубанские силы, увеличивавшие вес и значение этого правительственного центра.

В то же время между Кубанскими и Добровольческой центр. велась, правда скрытая, но непрерывная и упорная борьба, иногда ярко прорывавшаяся наружу. Последнего рода явление имело место в начале мая на собрании кубанских и добровольческих офицеров и членов Куб. Законодательной Рады, когда председатель Рады Н. С. Рябовол и председатель Куб. Правительства Л. Быч публично опротестовали поведение руководителя Добр. армии, генерала Алексеева и указали ему на его действительное место, а ген. Алексеев принужден был там же принести извинение (искреннее или не искреннее, это другой вопрос). Вопрос шел о том, имеют или не имеют право правители Кубани собирать на совещания кубанских офицеров, не спрашивая на то согласия у русских генералов и не уведомляя их о своих действиях.

К тому же в июне-июле активно разрабатывался вопрос об организации Доно-Кавказского Союза, на территории которого Добр. армия могла бы оставаться, только подчинившись Правительству этого Союза.

При всех этих условиях, военные силы собственно Добр. армии были весьма незначительны и совершенно недостаточны для осуществления сколько-нибудь серьезных самостоятельных боевых активных операций. Полк. Зайцов сам пишет, что на совещании вождей Добр. армии — генералов Алексеева и Деникина

с Донским Атаманом ген. Красновым 15 мая 1918 г. ген. Алексеев заявил, что "направление на Царицын действительно создает единый фронт, но все дело в том, что Кубанцы из своего Войска никуда не пойдут, а Добровольческая армия бессильна что либо сделать, так как в ней всего около 2500 штыков" (стр. 195). Мы полагаем, что 15 мая, значит, до прибытия отряда полк. Дроздовского в Добр. армию, эта последняя не имела и этих 2500 бойцов.

Чрезвычайная слабость собственно Добр. армии проявилась особенно ярко во время так называемого 2-го Кубанского похода, начавшегося, как известно, 10 июня 1918 г. Самое начало этого похода сопровождалось следующими обстоятельствами: "Для операции на Торговую и Великокняжескую Добровольческая армия получила от донцов отряд полк. Быкадорова, действовавший в долине Маныча, общей численностью до трех с половиной тысяч человек с 8 орудиями. Заслон против Сорокина на фронте Кагальницкая-Егорлыкская (45 км.) составили донцы и кубанцы Покровского... Севернее Кагальницкой тыл операции прикрывался донцами и немцами (Ростов)... Как видно, атака Торговой носила исключительно рискованный характер и была основана на предположении о пассивности Сорокина, располагавшего не менее, чем 30-40 тысячами бойцов", говорит полк. Зайцов (стр. 220).

Напрасно полк. Зайцов замалчивает то, чрезвычайно важное для правильной оценки боевых операций того времени, обстоятельство, что в самом начале 2-го Куб. похода Кубанцы составляли **не менее двух третей** боевого состава так наз. Добровольческой армии и что победы на Кубани и в Ставропольской губернии, одержанные летом и осенью 1918 г., были достигнуты, главным образом, благодаря Кубанцам, которые, к тому же, не раз спасли Добровольцев от полного поражения или даже гибели ("Траг. Казачества", ч. 1). Так было на путях к Екатеринодару и Кореновке и Выселок в июле, под Армавиром в сентябре и под Ставрополем в октябре. Об этом полковник Зайцов только глухо говорит в некоторых местах своего труда (стр. 225, 242, 244-246). Только, описывая Ставропольскую операцию, полк. Зайцов говорит: "Тяжело однако обошелся Ставрополь и Добровольческой армии" (стр. 246) и тут же приводит слова Деникина о том, что "основные части Добровольческой армии во второй раз (первый — в Первом Куб. походе) казалось погибли" (Деникин. Очерки, т. 3-й, стр. 237).

Разве может быть у объективного исследователя сомнение в том, что Добр. армия была бы просто уничтожена Северо-кавказскими большевицкими силами, если бы Добровольцев не спасли Кубанцы. Не отрицая личной доблести добровольцев, все же должно признать, что их было очень и очень не много в сравнении с теми колоссальными задачами, которые этой горсти храбрых людей ставили их вожды.

Полк. Зайцов пишет, что к сентябрю 1918 г. "по составу Добровольческая армия теперь уже на две трети состояла из кубанцев и это предопределяло ее будущее операционное направление на Армавир для освобождения восточной Кубани" (стр. 228). Следует сказать, что в действительности к сентябрю Кубанцы составляли уже не две трети, а девять десятых тех 35-40 тысяч войск т. н. Добр. арм., о которых говорит полк. Зайцов (там же).

Тем не менее полк. Зайцов продолжает эти силы называть Добровольческой армией, хотя ему прекрасно известно, что подавляющая масса Кубанцев поступала в армию по нормально проведенной Кубанским Правительством мобилизации.

Если автору книги "1918 г." хорошо известны действительно русские добровольческие силы, бывшие в руках генералов Алексеева-Деникина летом 1918 г., если ему известно, что Кубанцы тогда не пошли бы на р. Волгу, оставляя Кубань в руках большевиков, если ему известно, что на Северном Кавказе большевики имели в те времена весьма значительные военные силы, если ему известно, что в самом Царицыне большевики имели целых четыре прекрасных вооруженных дивизии (одних только бронепоездов 13), как он, полк. Зайцов, после этого может серьезно говорить о выходе такой Добр. армии при таких общих усло-

вних на Волгу летом 1918 г. "Значение Царицына не было оценено русской контрреволюцией", пишет полк. Зайцов (стр. 202).

Ошибается автор книги "1918 г.". Было оценено и прекрасно было оценено, но русские добровольцы не имели своих сил для похода на Царицын. Русские и на Юге были чрезвычайно слабы, ибо и здесь действовали те же неумолимые общие причины, которые вызвали провал русской белой борьбы на Восточном и Северном фронтах в 1918 г., провал, так объективно и правильно описанный, как мы говорили выше, полк. Зайцовым.

Стечение многих обстоятельств и, в значительной мере по вине самих кубанцев, руководителям Добр. армии удалось крепко привязаться к Кубанскому Казачьему Войску, и не только привязаться, а у русских генералов нашлось достаточно моральной гибкости, чтобы победы, принадлежавшие, исключительно или главным образом, кубанскому оружию, выдавать за победы русской Добровольческой армии и, таким образом, удалось вводить в заблуждение своих и чужих. Кубанцы протестовали против этого, кубанцы добивались организации отдельной самостоятельной Кубанской армии для осуществления тех государственных заданий, которые были сформулированы не раз представительнейшей всего коренного населения Кубани — Кубанской Краевой Радой. Одни добивались, а другие мешали. Результат известен. Русские все же не выиграли, да и Кубанцы проиграли вследствие такого неестественного сотрудничества.

Объективный исследователь должен признать, что по существу, к осени 1918 г. на Дону действовала Донская армия, а на Северном Кавказе — Кубанская, в которую входили и русские добровольцы и которой

командовали русские генералы — Деникин, Покровский, Эрдели, Врангель и т. д.

"Окраины стремились закрепить независимость или обособленность своего существования", говорит полк. Зайцов в начале своей книги (стр. 8). Кубань, как известно, стремилась осуществить именно эту программу "окраин". Русская Добровольческая армия шла к возрождению России 1914 г. "Цели эти были прямо противоположны и лишь борьба с общим для обоих противобольшевицких течений (и белого, и окраинных) врагом — большевиками, временно сглаживала это коренное противоречие в целях борьбы", делает общий вывод полк. Зайцов (стр. 8).

Именно это основное противоречие между политикой Кубани и Добровольческой армией не нашло необходимого отражения в книге "1918 г." и это тоже является одним из основных серьезных недостатков военно-исторического исследования полк. А. Зайцова.

Так как наш отзыв о книге "1918 г." и так уже очень расширился, мы на этом должны закончить наше изложение. Тем не менее в заключение отметим еще некоторые недостатки в разбираемой нами работе. Сообщение о появлении раз'езда Добровольческой армии 11 марта 1918 г. "в самый разгар тяжелого боя" (стр. 83) Кубанских частей с большевиками не соответствует действительности, так как фиктически упомянутый раз'езд прибыл к кубанцам уже после боя, вечером того же дня (сравнить: В. Мельниковский. Из недавнего прошлого Кубани. "Казачьи Думы", номер 8 за 1923 г.).

Утверждение полк. Зайцова, что Куб. Рада произвела Покровского в генералы (стр. 84), расходится с правдой, так как Законодательн. Рада, бывшая в походе, никогда повышением в чинах не занималась и заниматься не могла.

„30.000 курьеров!..“

КАЗАЧЬИ ХЛЕСТАКОВЫ.

Станичник Редактор!

Получил я не так давно следующее письмо:

"Михаил Максимович! Простите за беспокойство, но я беру на себя дерзость просить Вас передать г. Скобелину мое "поздравление" за победу на билевском фронте — два целых округа в казаков целиком отошли от Билого и присоединились к нам. Часть польского тоже самое сделала. Германский В. Каз-ий округ, в § 2 своего протокола от 15-2-35 пишет: "Всем нашим окр. в целом присоединиться к группе В. К-ва, объединенной вокруг журнала "Казакция", признать Вр. Ц. Прав. В. Каз. в Братиславе, как свой главный ВК центр"... А Болгарский округ (39 организ.) в постановлении № 14 говорит: "по ряду политических и технических причин, не требующих очередного пояснения, всякое сотрудничество с редактором "ВК" И. А. Билым прекратить". "Работу... в Болгарии... объединить с... Вр. Ц. Прав. в Братиславе"... Пусть ждет новостей и от французских организаций. Прошу извинить за беспокойство. А. Трофимов. 27 марта 1935. Париж."

— Получил я это письмо и, зная автора его, и приятелей его, работающих на разложение ВК движения, решил было просто выбросить его, не обращая внимания на очередных казачьих разрушителей. Но потом обратил внимание на 39 организаций, будто бы перешедших ныне к "оппозиции". Поскольку я знаю, в Болгарии вряд ли было больше 9 вольноказачьих организаций... Вот тут то и напало на меня сомнение: а что если не только 39 организаций, но и 39 человек нет в Болгарии сторонников "оппозиции"?

Переверил. Оказывается... цифра дутая... Не спросившись 9 организаций, перевели их в оппозицию, а потом перед 9 поставили тройку. Так и вышло 39...

Признаюсь, слаб я в литературе. Но, кажется, это один из Гоголевских героев почти вот так же хвастался в свое время 30 тысячами курьеров, как хвастаются сейчас 39 организациями г. г. "оппозиционеры", перешедшими яко-бы к ним по постановлению № 14.

Решаясь просить Вас на опубликование настоящего письма, я рассуждаю так:

Ведь если люди не имеют совести и лгут мне, имеющему возможность их слова перевернуть, то они могут лгать еще хуже тем, кто в далекой глуши не имеет возможности их "факты" проконтролировать. Если эти люди могут лгать мне, преувеличивая почти в пять раз общее число всех вольноказачьих организаций в Болгарии, перешедших и не перешедших к "оппозиции", то как и во сколько раз они могут лгать, оперируя с теми "фактами", проверить которые не так легко!... Если люди так лгут, зная, что уже завтра их могут публично уличить в этой лжи, то как же лгут они тогда, когда их ложь не так очевидна!...

До сих пор "оппозиция" все время нападала, пользуясь всякими средствами, не останавливаясь ни перед чем. Не пора ли нам, вольным казакам, положить предел этому "походу"?

До сих пор мы, рядовые в. казаки, наблюдали "работу" г. г. "оппозиционеров". — Не пора ли нам сказать вслух правду о том, что же представляют собою сами г. г. "оппозиционеры", чего они хотят и какими приемами пользуются? — Не пора-ли поднять и нам свой голос, как поднял его в прошлом номере станичник Тьрин?...

Я пишу не для того, чтобы убедить в чем либо г. г. Трофимовых, но я хочу предупредить тех братьев вольных казаков, кому они пишут такие же письма, как и мне.

Будьте осторожны, вас могут обмануть также, как хотели обмануть меня; вас тоже они попробуют — "взять на арапа", как хотели взять меня.

Г. г. "оппозиционерам" нужно наше раз'единение (этому будут радоваться в Москве), а нам нужно какой угодно ценой достичь нашей цели. Этого ждут от нас те, кто томится и страдает сейчас в большевицкой неволе.

Поэтому — теснее в ряды ВК!

ВВД есаул М. Колесов

12 апреля 1935. Париж.

От Редакции. Фактические справки:

В Болгарии на 1 января 1935 г. (до перехода окр. правления в "оппозицию") было 9 в. к. организаций. Ни одна из этих организаций не принимала участия в вынесении решения № 14. Это решение принято 6 человеками. Из них: 4 члена окр. правления и 2 — запасные члена правления, приглашенные первыми четырьмя (а не избранн. с'ездом). Подписей этих двух последних мы, при всем желании, не могли разобрать на присланном нам постановлении № 14.

Из 9 в. к. организаций в Болгарии четыре уже заявили, что не разделяют решения окружного правления, 2 организации объявили "нейтралитет", позиции 3 организаций еще неизвестны.

Поскольку нам известно, в Болгарии нет не толь-

ко 39, но и 19 казачьих организаций, если посчитать их все, какие только там есть вообще.

Решение "Германского В. Каз. Округа" от 15-2-1935 о переходе в "оппозицию" принято всего 3 человеками.

Уже из прошлого номера "ВК" читатели знают, что многие вольные казаки в Германии (там было всего 3 организации) совсем не разделяют точки зрения г. Овсяника (см. и корреспонденцию из Ганновера в настоящем номере журнала).

В Польше никакого округа еще не было совсем. Следовательно, не могла переходить в "оппозицию" и часть несуществующего.

— В заключение можем пожалеть, что у нас под руками нет близко фельетониста, т. к. наилучшим ответом на такие письма г. г. "оппозиционеров" был бы хороший фельетон.

По стопам Иуды

Читаю и не верю. Что же случилось? Случилось то, что случилось на протяжении всей казачьей истории. Предательство. Еще одним предательством покрылась страница казачьей истории. Еще одно предательство в истории казачьей освободительной борьбы. И кто же? Как бывало всегда — свои...

С болью в сердце прочитал статью А. С. Тырина: "Ответ оппозиции".

Господи! Неужели еще раз, неужели опять повторяется старая история, неужели мы еще не научены горькими уроками прошлого, неужели не можем сплотиться вместе и одним стальным казачьим кулаком ковать свою судьбу и казачье благополучие? Доколе же еще будет продолжаться этот казосовский кошмар? Думаю, что до тех пор, пока у казаков не будет единого политического командования.

У нас, вольных казаков, есть руководитель. Его никто не выбирал, он сам взялся за это святое дело борьбы за казачью независимость. Он первый пролил свет правды, он первый стряхнул пыль со страниц казачьей истории, он первый заговорил правдивым казачьим языком, языком Разина, Булавина, Кулабухова... языком тех, для которых Казачество не было пустым звуком, языком тех, для которых Казачество, было, есть, и будет Святое Святых. Этот человек, первый поднявший поправное казачье знамя, с удивительным спокойствием, еще большей энергией и тактичностью, вот уже 7 с лишком лет, как опытный мореплаватель, тихо и осторожно, обходя мели и подводные рифы, ведет вольно-казачий корабль по разбушевавшимся волнам неудержной стихии. Он прекрасно знает свой путь. Я верю и знаю, что придет тот день, когда этот корабль войдет в тихую пристань освобожденной Казачии.

Может быть, его слабая черта заключается в том, что он скромнен. А разве скромность не есть украшение и достоинство людей, отдавших все свои силы и

знания на пользу освобождения Казачества? Разве покойный ген. Т. М. Стариков не был скромнен? Разве он когда либо кричал и хвастался о том, что он сделал для Казачества? Нет, такие люди делают свое полезное дело без крика и шума, медленно, но верно. Скромность — украшение героев.

Чем же вызвано недовольство "оппозиции" руководителем ВК? Неужели опять сребролюбие? Неужели опять повторяется Быкадоровщина?

Тем, кто хочет продать Казачество за 30 сребреников, а потом предать его, скажу прямо, честно и открыто: вам с нами не по пути. Вы сила разрушительная, вы на это только и способны. Но способны ли вы, что нибудь создать? Если вы ничьей воли над собой недопускаете, то это называется анархией, а если анархия, то значит разрушение.

В книге "Казачество," в 1928 году, г. Кудинов писал с сожалением:

... "Сильных сторон казачества ни из фактов истории, ни из личного наблюдения в революционных со- бытиях я не вижу. Во всем жизненном процессе казачьего бытия — расколы, предательства, рабские клоны перед боярами и др..."

Кажется, что теперь он это забыл, ибо и сам стал на путь раскола...

А может и он, как многие и другие, тоже болен — себялюбием. Если так, то рецепт от этой болезни только один: отдать свою любовь своему народу. Тогда все решается само собой, ибо кто любит Казачество больше самого себя, больше своей жизни, и служит не отдельным лицам, а высшим идеалам Свободного Казачества, тот не делает того, что делают сейчас всякие г. г. "оппозиционеры".

Слава Казачеству!

Атаман вольноказачьей станицы в Крезе

Михаил Белов

Казачья эмиграция

В. К. В БЕЛЬГИИ

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Вас, Ваших сотрудников и всех братьев националистов казаков поздравляю с праздником светлого Воскресения Христова!

Христос Воскресе!

Братья казаки! Воскресение Христово воскрешает в душах и сердцах наших веру и надежду и в воскресенье родного и дорогого нашего Казачества. Неусыпно горят наши сердца от этой веры из года в год и есть надежда увидеть свои родные Края свободными и независимыми от русских красных шакалов. Это они, голодные звери, набросились там на наше добро и, упоенные призрачной добычей, забыли об опасности,

которая грозит им такой же расплатой. Наш первый и святой долг зорко следить за красными зверями и не дать им уйти без отщепеня. Близятся дни расплаты с московскими оккупантами. Поэтому надлежит нам усилить свою бдительность и какой угодно ценой спасти то, что мы взялись охранять. Сам Воскресший Христос подает нам свой пример, чтобы мы боролись против зла и лжи.

Мы, казаки националисты, ставшие под знамя Вольного Казачества, еще смелее должны податься вперед на защиту изстрадавшегося нашего Казачьего Народа под игом красной Москвы. Предстоящий с'езд наших депутатов на Большой Круг Вольного Казачества, должен осуществить программу В. К. На наших депутатах лежит обязанность: разумное проведение в

жизнь всех предначертаний в нашей программе. К ним на помощь мы, рядовое Казачество, обязаны прийти и пожертвовать тем, что только будет требоваться от нас. Без выполнения долга с нашей стороны, мы не можем рассчитывать на успех своего дела. Когда будет у нас избранник и защитник всего Казачества — Атаман, он громко скажет всему миру, кто мы в действительности есть и чего мы добиваемся. Его голос должен быть услышан и внят миром.

Так давайте же, дорогие братья, поможем тому, кто стремится к защите Казачьих земель от окончательной гибели на них нашего дорогого племени. Поможем и тому, кто и дальше будет идти этим путем.

Мы, казаки националисты, должны неустанно работать и не оставлять своего дела и так, чтобы почувствовали наши родные и близкие там, что враг начинает сдавать. От нашей работы и от нашей заботы о своих близких зависит там их благополучие. Врагу же, мы скоро нанесем удар...

В Великий День Воскресенья Христова мы, вольные казаки националисты, приветствуем своих родных и близких там вдали от нас с настоящим праздником и громко говорим им: Христос Воскресе! Мы слышим их стоны, мы видим их страдания и слезы. Мы горим к их врагам нескрываемой мезтью. Час к тому близится!

Воскресе Христос и расточатся врази Его!

Н. Боровлев

23. 4. 35. Бельгия.

В. К. В ПОЛЬШЕ

ГОЛОС КАЗАКОВ ИЗ ПОЛЬШИ

Мы, вольные казаки, находящиеся в Польской республике, в окрестностях города Ковеля, подымаем свой голос, чтобы скорее собрался Круг и избрал Атамана для всех вольных казаков, т. е. надо выбрать Поход. Атамана, чтобы нас он довел в родную нашу Казакцию. Казаки высоко ценили своих действительных вождей в прошлом, мы желаем, чтобы скорее был избран и теперь вождь. Когда мы будем готовы и будет у нас вождь, то нас никто не заманит в свои ряды, т. к. тогда мы будем слушать только приказаний вожды, избранного Кругом. Вот наша цель.

Мы, первым своим долгом, просим г-на редактора и всех сотрудников "ВК" решить этот вопрос как можно скорее, потому что час уже настал нам иметь Атамана. Хотя много казаков еще спит и не слышит зова к объединению, но когда мы выберем себе Атамана, то все Казачество проснется и пойдет так же за нами. Дороги им не будет все равно иной, чем та, по которой мы идем.

Мы просим выставить кандидатов, а мы, вольные казаки, будем голосовать письменно, иначе нам невозможно. К нашему мнению присоединятся и последуют нашему примеру многие другие, расбросанные по всему свету. Казачество в настоящее время находится в критическом положении.

Мы видим как во Франции, Сербии и Болгарии в казаки быстрыми шагами строят свои вольно-казачьи ряды и становятся под родные ВК знамена.

Но мы знаем, что много еще есть казаков и казачьих офицеров, смотрящих на Московскую дорогу, они тянут за генералами да князьями, чтобы опять "послужить". На таких не следует обращать внимания.

Дорогие братья станичники, казаки всех казачьих Войск! Взгляните, как наше родное знамя развивается над нами, как всадник на вороном коне быстро летит и зовет нас со всех закоулков земного шара в свои ряды.

Дорогие станичники! ведь мы все сыны родной нашей Казакции. Ведь на нас вся надежда, как тут, так и там. Посмотрите и подумайте, сколько лет мы живем в изгнании и никто о нас не беспокоится, чтобы мы с честью вернулись домой, чтобы изгнали оттуда врага и чтобы мы жили потом на своей родной земле и управлялись сами собою. Когда мы пробудимся от спячки и станем в свои вольно-казачьи ряды, то этого

мы добьемся. Когда мы тут пробудимся от сна и там на родине услышат, что мы подняли знамя казачьей Воли, им легче будет переносить страдания и гнет оккупации.

Мы призываем казаков всех Войск в республике Польской в ряды ВК. Пора и нам уже объединиться и создать свой Округ, но только подлинно вольноказачий.

Голосуйте за Вождю всего Вольного Казачества! Да здравствует Походный Атаман всего Казачества.

Боже, благослови наш путь в Родной Край.

Подх. **Иван Лапушков**, хор. **П. Еремин**, подх. **Л. Попов**, **Михаил Лаптев**, подх. **Куликов**, подх. **Палкин**, вахм. **Карив**, вахм. **Михайлов**, вахм. **Галдин**, **Колесников**, подх. **Фиврашев**.

В. К. В ГЕРМАНИИ

В. К. СТАНИЦА В ГАННОВЕРЕ

7 апреля вольные казаки в Ганновере праздновали годовщину существования В. К. хутора Атамана Ермака. К этому дню из Берлина прибыл представитель нашего журнала в Германии Г. А. Козловский.

В два часа дня состоялась официальная часть. На общем сходе членов хутора хуторской атаман хорунжий **П. Т. Лосев** сделал краткий доклад о деятельности хутора за отчетный год. Началось дело с небольшой организации в четыре человека. Работа была тяжелая, нужно было разыскивать расплывшихся казаков и будить в них сознание своего долга перед порабощенной родиной. Одновременно шла работа в смысле распространения среди казаков журнала "Вольное Казачество". И только теперь сказались результаты работы. К своей родной, казачьей организации потянулись казаки... Идет интенсивная переписка с станичниками, рассеянными по всей Ганноверской провинции, получают и запросы, исходящие из местностей, выходящих за пределы района. От ознакомились уже с идеей и практической работой В. К. поступают заявления о зачислении их в ряды движения...

Но работа Ермаковского хутора в Ганновере встречала на своем пути и противодействия. Как это ни странно, эти противодействия исходили не от людей противоположных политических взглядов, а от своих же, называющих себя тоже вольными казаками, в действительности же политических недорослей, стремящихся путем сплошной лжи сбить казаков с их позиций. И нужно отдать справедливость членам Ермаковского хутора, они не поддались на провокационные вылазки врагов казачьей свободы, они просто заявили, и еще раз заявляют всем своим непростительным доброжелателям: — уйдите от нас, оставьте в покое и нас и то святое дело, которому мы служим"...

Атаман оглашает приветствие, присланное хутору руководителем В. К. движением и журналом, инженером **И. А. Билым**.

Отчет правления и кассовый отчет приняты к сведению. Атаман, а в его лице и все правление, за окончанием срока, складывает свои полномочия.

От имени группы казаков, живущих в Руте, оглашает приговор этой группы б. Атаман в Руте донец **П. Д. Чипликов**. Всячески порицая выступления "оппозиции", внесшей раскол в В. К. семью, подписавшие приговор протестуют против той неправды, которую преподносит казакам "оппозиция", в лице политического хамелеона г. Овсяника, и просит Ермаковцев принять их в свою семью. Естественно, все они зачислены членами Ганноверской организации.

Г. А. Козловский, приветствуя станичников с их праздником, выражает свою глубокую радость, что имеет возможность провести время в дружной семье действительно вольных казаков. Он от души желает, чтобы среди казаков было побольше таких сознательных патриотов, которые сами умеют отличать друзей и недругов.

У меня с собою целая пачка документов, свидетельствующих о "работе" представителей "оппозиции", говорит Г. А. Козловский. У меня гадливое чувство, когда я беру их в руки. Наше дело настолько честное и чистое, что нам нет нужды прибегать к обманам и

лжи. Мы, например, говорим всегда за глаза то, что имеем мужество сказать и в глаза. Рассылая свой журнал, мы просим всех, как можно шире его распространять, давать казакам читать свое, родное. Что же делает "оппозиция"? Она рассылает свои "бюллетени" и просит, чтобы их "дальше не распространять". Почему? Это только им известно. Очевидно, очень уж загалгались...

Вот вам письмо есаула Тарасенко, в котором он пишет: "26 февраля я все покончил с Берлинской станицей, указав причину моего ухода: не желанье быть в лагере противников И. А. Билого, которого я признаю вождем В. К." — Я мог бы вам продемонстрировать ряд таких писем, поступающих только ко мне. Все эти документы подтверждают, как бессовестно врет, говоря деликатно, г. Овсяник, утверждая, что "его сила растет, а Билого звезда закатывается". Г. г. Овсяники принадлежат к числу тех вчерашних вольных казаков, которые в свое время аплодировали разгону Рады и повешанью А. И. Кулабухова. Будучи там, у себя на родине, вместо того, чтобы помогать строить свое родное, они вытягивались в струнку перед чужаками, и "чего извольничали", не давая себе отчета в том преступлении, которое они свершают против Казачества. Пройдя, что называется, огонь, воду и медные трубы и попробовав киселя в разных политических лагерях, они сейчас бросились разлагать патриотически настроенное казачество, делают это так наивно, что только разве слепой не видит всех их нечистоплотности. Кстати, о чистоплотности: г. Овсяник составил устав (к слову сказать, довольно неграмотный) и в 11 параграфе отстает "казачью честь и моральность". Это на бумаге, а на деле сам же нарушает этот самый параграф. Ко мне звонят по телефону немцы и с возмущением рассказывают, как это "казачий атаман" позорит своим поведением все казачество в известном кабаке "Балтикум". У меня имеется ряд адресов свидетелей, которые могут (и даже сами предлагали) подтвердить, как это "атаман" "рекламирует" свою власть в пьяном виде в кабаках... Я получил от него предложение не выступать от имени В. К. в Германии "иначе он примет меры". Я на это письмо даже не ответил. Я ведь остался работать с В. К. Центром, стало быть, я то имею право и говорить и выступать от В. К. А вот он, прельстившись неизвестно какими посулами, получив поддержку от нашего Центра на свой окружный съезд, в то же самое время работал с нашими противниками и тем доказал свои способности сосать двух маток и, естественно, в нашем понятии, понятии честных в. к., расшифрован и отстранен. Вышедший из подчинения Центру, он не имеет юридического права именовать себя членом той организации, которую сам же старается охаять. Эту чисто юридическую особенность может подтвердить любой юрист любой национальности... Но не будем столько времени уделять такой мелочи, каковой является вообще вся персона г. Овсяника, по сравнению с масштабом нашей цели и наших задач. На своем пути нам придется еще столкнуться с подобными индивидуумами, мы должны всегда быть готовыми к различным покушениям на наше казачье единство...

По предложению П. Т. Лосева, Ермаковский хутор с сего числа переименовывается в Ермаковскую станицу.

По отношению к оппозиции и в частности к "округу" г. Овсяника, общий сбор постановил вообще не считаться с его существованием и иметь непосредственные сношения со своим Парижским Центром. Не отвечать на письма и литературу, рассылаемую щедрой рукою г. г. Овсяниковых. Вообще игнорировать наличие таких отрицательных элементов.

Затем были произведены выборы правления. Избранными оказались: атаманом — П. Т. Лосев, его помощниками — И. В. Буянов и П. Д. Чипликов, казначеем — Т. З. Лозин.

Общий сбор выразил искреннюю благодарность атаману за его плодотворную деятельность и дал обещание в будущем всегда поддерживать все добрые начинания своего правления и помогать ему в его деятельности.

Не обошлось и без курьезов. Так, например, много

и искренно хохотали казаки, узнав, как во время посещения Руте г. Овсяник угрожал станичникам Чипликову и Лосеву жалобой в полицию, что они не "исполняют его приказаний и не подчиняются ему, "окружному атаману"...

После окончания официальной части дня, начали собираться гости, приглашенные правлением на казачий праздник. Собралось довольно много гостей. Среди них были немцы (приехавшие даже из других городов) и украинцы.

В непринужденной беседе гости ближе познакомились со своими хозяевами, выступали отдельные лица с искренними пожеланиями казакам скорейшего достижения своего идеала и благополучного возвращения к себе на родину. Первый бокал, за здоровье и успехи в делах инж. И. А. Билого поднял атаман станицы П. Т. Лосев. Тост был покрыт громкими аплодисментами всех присутствующих.

Пели свои песни казаки, вспоминая далекие степи, пропели и Донской и Кубанский гимны, и помогли немецким гостям пропеть их гимн.

Прощаясь с хозяевами, Г. А. Козловский еще раз подчеркнул, что, к сожалению, в его памяти немного таких действительно приятных часов, проведенных им в своей казачьей семье. Обращаясь к гостям - немцам он подчеркнул, что Казачество, стремясь к своей самостоятельности только хочет восстановить свои пограничные права и не успокоится до тех пор, пока на его территории распоряжается чужой, пришлый элемент, безразлично, в какой цвет радуги он окрашен.

В заключение бло бы непростительным обойти молчанием ту большую работу, которую делает для организации один из рядовых ее членов, Людика. Он является правой рукой атамана, им заготовлены наши В. К. флаги, им же нарисован больших размеров герб Казакки и портрет И. А. Билого. Его стараниями был декорирован зал, где происходило казачье собрание и казачья беседа... (Соб. кор.)

В. К. В ЮГОСЛАВИИ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР И. М. НАЗАРОВА

Приехавшего в Белград донского поэта полковника И. М. Назарова вольные казаки встретили с большим радушием. Интерес казаков к личному с ним знакомству заставил Окружного Атамана П. С. Полякова просить поэта выступить перед в. к. аудиторией со своими произведениями.

В воскресенье, 14 апреля, в помещении вольных казаков г. Белграда был устроен литературный вечер казачьего поэта И. М. Назарова.

Окружной Атаман, открывая вечер, представил публике поэта, встреченного дружными аплодисментами.

Перед тем, как читать свои произведения, И. М. Назаров обратился к присутствующим со следующей речью:

"Перед началом моего сегодняшнего выступления считаю долгом своим от души благодарить представителя вашего — нашего молодого степного орла и казачьего Лермонтова — Павла Сергеевича Полякова, который, со свойственным его натуре благородством, принял горячее участие в моем тяжелом, почти безвыходном, положении (восемь месяцев без работы).

Слава Господу Богу, как говорит он, и слава Казачеству, что такие у нас есть, тем более слава, что такие стоят во главе нашего движения и ведут нас, — за такими идти не страшно.

Долгом старого казака, с особенной патриотической гордостью считаю также отметить, что в среде Белградских вольных казаков я, как недавно прибывший, заметил отрядную особенность, какую давно не видел в эмиграции: — это ваша солидарность, — внутренняя сплоченность на основах заметного со стороны участия и истинно казачьего братства. Не примите это за лесть, ибо по свойственной, уже врожденной и чисто родовой прямоте я от лести был далек всегда, — не изменяю этому и сейчас из принципа. Говорю же о

вашем братстве потому, что именно братство, по казачьей традиции, должно объединять нас... именно братство должно быть нашим первым оружием и именно сплоченные в братство мы должны представлять и силу в политике и силу в борьбе за свободу Казачьего народа, освободить который является целью нашей жизни. Подчеркиваю вам братство еще и потому, что проехав несколько городов, я встречал не мало казаков, ушедших в личную жизнь, в свои далекие, чисто эгоистические интересы, и о заветах страны, и о трагической судьбе родного народа так глубоко, как вы, не задумывающихся. Лишь на дне их души, далеко в глубине, лежат искры любви к отчизне, но и эти искры нужно в них раскапывать. В вашем же обществе — и старые казаки ветераны, и молодые орлы, и казачки-дамы, — все проникнуто чувством любви к отчизне; всех интересует судьба родной страны, что меня, как старого патриота, радует и вот почему я говорю об этом...

Украпляйтесь же в этом и в будущем, — сплывайте в кулак, ибо растопыренными пальцами борется русская эмиграция..., и укрепляйте в душе своей чувство самоотверженности, ибо без самоотверженности нет служения долгу. Без самоотверженности нет борьбы!... Без самоотверженности мы не придем ни к народу нашему, погибающему под сталинским игмом, — не увидим бескрайние степи, родившие нас. Ни Дона Тихого, ни Могучей Кубани, ни Быстрого Терека, ни Седого Урала — не увидим. ("Увидим!" — раздалось в ответ). Но... мы увидеть их должны. **В этом священный долг нашей жизни** и вот почему, — во имя славы Казачества, — я призываю вас...

Да здравствует возродившаяся в нас святая и жертвенная борьба за Отчизну — Казачию!"

В ответ на эту горячо произнесенную речь И. М. Назаров был награжден долго не смолкавшими аплодисментами и криками — "Слава Казачеству!.."

Чтение своих произведений Иван Михайлович начал с прозы, еще не вышедшей в печати. Как образец своих прозаических произведений он прочитал два рассказа из жизни своего брата, Анатолия Михайловича Назарова, — Донского Атамана, расстрелянного большевиками. В них он отметил проявление у рыцаря-Атамана еще с детства твердости характера, прямооту, порядочности и чести долга.

"...Долг свой несущ до конца...

"...Не бегут Атаманы Донские"... и, в период политического хаоса на Дону, смело — презренное в лицо рабам комиссаров: "...Сволочь, пли!..." — черты характера Атамана, запечатленные в стихотворении "На смерть Атамана Назарова" — подтверждают стойкость покойного Атамана, его сознание долга перед Казачеством. Красиво решительный и сознательный исторический шаг, который мог бы послужить примером бездейственно сидящим 15 лет вечным В. Атаманам!..

Прочитанное стихотворение произвело сильное впечатление на слушателей. Многие со слезами на глазах слушали о рыцаре чести и долга, об истинном казаке-Атамане и как выражение острой боли о потере патриота, переполненная аудитория почтила память Атамана Назарова троекратным громким: "Слава Атану Назарову!!!"

Поэзию свою Иван Михайлович разделил на три отдела, прочитанные в следующем порядке: — бытовой, юмористический и национальный. Отличные произведения, в высшей степени интересные по своему содержанию, и плюс ко всему — замечательное умение читать, неподкупная любовь к своему народу, заставлявшая самого поэта не раз делать паузы от наплыва чувств, превратили литературный вечер в демонстрацию неумирающего казачьего национального духа.

В награду за доставленное торжество национального духа, аудитория щедро наградила поэта аплодисментами и национальным приветствием: "Слава Казачеству!.."

Познакомил казаков И. М. Назаров и с особым отделом своих стихотворений, написанных им в 20-ти дневной тюремной жизни за казачью пропаганду, с которой приехал он в прошлом году к казакам в рудник Бор. Стараниями русских И. М. Назаров был представлен местному начальству как "большевик" (самый дешевый способ борьбы у русской эмиграции, не замечающей как она в действительности сделалась большевицкой). Дознания, расследования велись 20 дней, пока окончательно не убедились, что такого "большевика" нет.

Свой вечер поэт предполагал, повидимому, закончить тоже речью — воззванием, он и сказал, закрыв свои толстые тетради, но... публика несмолкаемыми аплодисментами и "бис" заставила прочитать поэта еще три небольших стихотворения.

В заключение всего И. М. Назаров, обращаясь к присутствующим, сказал: Все свои силы и способности до последних дней моей жизни буду с любовью нести на алтарь служения своему казачьему народу. Призываю и вас всех максимум возможного отдать на счастье своего народа памятуя, что цель нашей жизни — служение национальному казачеству!" (Аплодисменты и крики: "Отдадим!").

Программа была поделена на две части, между которыми был небольшой перерыв, прошедший в беседе и пении исторических казачьих песен.

Среди многочисленной публики присутствовали и члены украинской Громады в Белграде во главе с Головой Громады Панм В. В. Андришским.

Николай Букин.

ДО РОГІВЧАН

Дорогие станичники Рогівци!

Прошло уже много времени, но я никак не могу забыть кровавых событий 1918 года, имевших место около нашей станичной церкви. Может быть вы уже и забыли тот кровавый день! Да, времени прошло много, забыть не мудрено.

Было это на второй день Св. Пасхи. После крестного хода, казаки жили по домам. Одеты были по праздничному, по казаки, значит — в черкесках. Но вот их стреляют русаки и хотят посягать с казаков черкески, и уже набросились на них. Казаки, безоружные, бросились на нападавших и, несмотря на стрельбу из винтовок, все же обратили в бегство большевиков и отбили несколько десятков винтовок.

Местный гарнизон большевиков, услышав стрельбу, поспешил на площадь с двумя пулеметами. Состоялось как бы примирение и казаки, несмотря на то, что в этой схватке было несколько раненых, решили не поминать зла и даже вернули большевикам винтовки, которые они у них отняли буквально голыми руками.

Но этим дело не кончилось. Сейчас же по наряду станичного комиссара начались аресты казаков. Сколько было арестовано, трудно сказать, но число арестованных выражалось в сотнях.

Этого было мало. Рота из большевицкой гарнизона под командой русского Ильи Буданова решила совершить поход в Новоджерлиевку. Там была устроена красная тризна, были аресты, были суды. Прапорщик Сепильный был тут же приговорен к смертной казни и изрублен шашками, хотя ничего плохого казаки станицы Новоджерлиевской и не сделали большевикам.

Вернувшись в Роговскую, товарищи начали творить свое русское дело. Стали требовать с арестованных казаков контрибуцию или деньгами или натурой. Стали производить обыски в казачьих сундуках, забирали черкески, забирали старинное дедовское оружие.

Конечно, вы помните все это. Помните также, кто все это делал. А делали это те русские, которые, придя к нам на Кубань, благодаря сердоболью казаков, ели кусок хлеба и за это стали грабить казака.

Терпению казачьему пришел конец и казаки три года вели борьбу с ненасытным русским мужиком за свою казачью волю, за казачье имя. Но сила одолела силу. Мы в изгнании, которым мы обязаны и русскому мужику и части своей старшины. Без своей хаты, с

киркой и лопатой на шоссе, или на тяжелых работах в рудниках пропадает казачья сила. А что постигло тех, кто остался там! Ими заполнена вся Сибирь неисходимая, весь русский север со своим жестоким климатом. Все страдаем и там и тут только за то, что мы казаки.

Дорогие станичники! Не довольно ли всего этого? Не пора ли подумать по настоящему, по казачьему? Уже давно пора объединиться и выйти на казачью дорогу, ну, а казачья дорога только одна — казачья, на которой, развиваясь, виден стяг Вольного Казачества. Так вот и нам, рогивчанам, нужно всем спешить под знамена Вольного Казачества и, став крепко плечом к плечу, почувствовав мощь и силу казачью, сумеем отстоять честь казачьего имени, как это делали наши предки

Рогівчани! Гукаю до всіх, кличу всіх на дідівську дорогу, на шлях Вільного Козацтва, бо тільки воно одне може спасти і нас і все Козацтво!

Ваш станичник **Ефим Кузьмич Кривец**,
Атаман в.к. станицы в Кральево (Югославия).

ВО ФРАНЦИИ По В. К. ОКРУГУ

1. Христос Воскресе — дорогие братья вольные казаки!

2. Зачисляю в списки В. К. округа — Ив. Перепелкина — казака В. В. Д. с 15-3 1935 г.; С. Кириллова — казака В. В. Д. с 15-3 с. г.; А. Агоева — казака Терского. В. с 15-3 с. г.; Н. Иванисова — казака Куб. В. с 1-3 с. г.; А. Клевуна — казака В. В. Д. с 1-3 с. г.; И. Стоценко — казака Куб. В. с 15-2 с. г.; Н. Скоробогача — казака Куб. В. с 15-3 с. г.; Д. Стрельченко — казака Куб. В. с 1-3 с. г. и укр. С. Вотужного с 1-3 с. г.

3. Исключаю из списка В. К. согласно приговорам станичных сборов — В. Смазнова — казака В. В. Д. с 15-2 с. г. и И. Галиненого с 1-4 с. г.; исключаю из списков В. К. округа — А. Додуру — казака Куб. В., выбывшего в Югославию, с 15-3 с. г.

4. Исключаю из списков В. К. округа — подружного Трофима Ивановича Бондаренко, казака ст. Михайловской, Кубанского каз. Войска с 1-4 с. г., умершего после продолжительной болезни в Тулузской больнице. Мир праху честного казака патриота.

5. 30 марта с. г. тяжело ранен в ногу хор. И. А. Болдырев — атаман куреня В. К. "Донская Сарынь", во время работ в угольной шахте. 6-го апреля хор. И. А. Болдырев был отправлен в хирургическую клинику, где ему было произведено две операции, положение раненого очень тяжелое. От лица всех вольных казаков возглавляемого мной Округа, произношу "Христос Воскресе" и желаю дорогому Ивану Андреевичу Болдыреву — полного исцеления и выздоровления.

6. Настоящим предлагаю всем в. к., знающим местонахождение Якова Уткина, казака ст. Усть-Белокалитвенской В. В. Д., прибывшего в августе 1926 г. во Францию из Польши, сообщить адрес последнего мне — окружному атаману.

7. Всем В. К. приславшим и выразившим знаки участия во время моей болезни, казачье спасибо.

8. В борьбе всегда победит тот, кто смел, честен, последователен в своих действиях, и тверд в проведении основной идеи в жизнь. Всем в. к. неизменно равняться на своего выборного Окружного атамана и Окружное Правление.

9. От имени В. К. возглавляемого мной округа — братское Христос Воскресе — всем нашим соратникам В. К. в Югославии, Греции, Болгарии, Чехо-Словакии, Польше, Швеции, Бразилии, Германии, Бельгии, Италии, Турции и на Дальнем Востоке, и всем страждущим братьям казакам по ту сторону кордона.

10. За Волю и Долю Казачьи — без страха и упрека, неизменно всегда вперед!

Окружной атаман **А. Ленизов**
Окружной писарь есаул **И. Кувиков**
20-4 1935 г. Франция.

В БОРДО

В воскресенье 21 сего апреля, в одном Бордосском кафе, с целью объединить всех тех, кто не приемлет идеи "единой неделимой", состоялось собрание инициативной группы "Вольного Казачества".

Собравшиеся в числе 7 человек: Кубанцы, Донцы и Украинцы, после дружеской беседы и обмена мнений, в присутствии председателя союза Кавказцев в Бордо — вынесли следующую резолюцию:

"Всецело разделяя идею освобождения и свободного, независимого от России существования нашей Родины, нижеподписавшиеся, сего числа, постановили, в целях более тесного совместного сотрудничества, образовать в гор. Бордо группу "Вольного Казачества". При чем решили избрать старшего группы и ему помощника. Избранными оказались:

Старший группы **С. Свинарев** (состоящий уже в курене "Донская Сарынь").

Помощник: **И. Чуприна**.

Подписали: **Александр Диановский, Григорий Порубай, Гавриил Еремин, С. Свинарев, Иван Чуприна**.

ОЧЕРЕДНОЙ ПРОВАЛ МЛАДОРОССКОГО "СТОЛПА"

Думаю, что некоторые казаки, проживающие во Франции, за последние два месяца имели возможность видеть и слушать "самого председателя казачьего центра младороссов", господина **Чапчикова**, раз'езжающего по младоросским очагам и ячейкам и с пеною у рта зовущего казаков под полукрасные знамена царя-батюшки, да под крыло новоявленного вярца г. Казем-Бека.

Уверен, что видевшие и слышавшие его, совсем не воспламенились страстным желанием с места в карьер ринуться в бой за великую неделимую Россию "против врагов внутренних и внешних", не проявляли никакого желания избавить ее от надвигающейся опасности, от которой она, по словам младоросского вождя, без казачьей помощи никак не может выкрутиться.

Младоросский кандидат в вершители судеб Казачества отлично, вероятно, и сам знает цену своим докладам, может быть знает он и цену ему аплодирующим, — его совершенно не интересует мнение рядового Казачества, ибо его главная цель — ездить и кричать, то бия себя в грудь, то воздевая к небу руки, чтобы создать себе рекламу и повисить себя в глазах своего "высшего начальства", которому он кое чем обязан. И должен сказать, что эту роль — роль казачьего фарисея он исполняет иногда недурно — очки втирать не искусственным в политической борьбе умеет.

Залетела эта птица-ворона и в Виши, удостоила своим высоким вниманием недавно образовавшийся здесь младоросский очаг, наградила наиболее храбрых и подающих надежды зелеными повязками да бортовыми значками, и перед собравшейся публикой начала свою песню, которая, как и следовало ожидать, окончилась ее собственным... гневным карканьем.

"Генеральную линию младороссов" и "Боевую задачу Казачества — Атаманский вопрос" — собрались послушать человек около сорока, преимущественно русских. Казалось, что тема последнего доклада должна была бы заинтересовать всех казаков, проживающих в Виши, и в особенности донцов, но этого не случилось; последние, за исключением атамана общеказачьей полусуществующей станицы политической ориентации — "куда ветер, туда и я", господина Королькова, да двух его сочленов — на доклад, многим из них известного Чапчикова, — совсем не явились. Вольные же казаки г. Виши признали нужным пойти на доклад, чтобы, как говорится, вставить палки в колеса младоросской колесницы и указать свое место вознице ее, этому перевертню, который не стесняется звать казаков на защиту своих угнетателей. Присутствовал на докладе и старший вольноказачьей группы в Мон-Ферране **И. Д. Попов**, находившийся в это время в Виши.

Великолепный зал-дансинг, который всегда и всем услужливо предоставляет француз-хозяин. По скользкому полу бегают невзрачные на вид младороссы, таинственно перешептываясь между собой. На руках

зеленые повязки, на физиономиях печать подобострастия и священнодействия.

Докладчик "генеральной линии младороссов" говорит о великой России, о грозящей ей опасности, о красной армии — надежде младороссов, хвалит своего главу, сравнивает генеральную линию младороссов с морским путем, с неизменными — течениями, мелями, ветрами, скалами и т. п. неприятностями и напоминает аудитории о ее долге перед родиной, зовет в свои младоросские ряды...

Но вот на трибуну подымается г. Чапчиков и начинает свой доклад. Заводит он речь издали — с первых дней эвакуации и хвалится тем, как им, т. е. младороссам, лет через десять после этого, как то удалось узнать о большевицком секретном циркуляре за номером таким-то и за подписями такими-то, которые предписывалось вести беспощадную борьбу с элементами политически ненадежными, в том числе и с Казачеством... Говорит, что там Казачество еще не умерло, а, наоборот, оказачивает даже пришедший элемент, доказательством чего служит радио из Москвы, где поются казачьи песни и слышны казачьи танцы...

— Теперь там, в казачьих степях, возрождается новое казачество — наш долг быть с ними и отдать свои силы на пользу молодой России" — восклицает он.

— "А ты знаешь, что за новое Казачество там возрождается?" — спрашивает его старый вольный казак. "Знаешь-ли, что там в донских и кубанских степях от казаков скоро и следа не останется, а опустошенные станицы и хутора наводнены орловскими и тамбовскими мужиками из твоей молодой России? А ты радуешься, слушая по радио, как они казачьи песни поют, да лезгинку в лаптях танцуют! стыдно тебе казакон называться!..."

— "И не стыдно тебе, да еще казаку, такие вещи говорить!" — несется из группы вольных казаков. "Зовешь, чтобы казаки шли за тобой, да твоим Казем-Бекон Сталина спасать! В шею тебя гнать отсюда надо!..."

Чапчиков, что-то отвечает, но за подывающимся криком и шумом слов его не слышно. По залу рассыпается "милиция" в зеленых повязках с целью навести порядок. Сперва уговаривают, а потом заикнулись о том, что могут применить и силу.

"А ну-ка попробуйте, посмотрим, кто-кого. Да вы в наши казачьи дела не вмешивайтесь — это вас не касается", — было ответом.

Кое-как восстанавливается порядок и Чапчиков получает возможность продолжать. Неизвестно, чтобы он говорил после своего "радио", ибо его сбили, спугали, но он перескочил на атаманский вопрос. Ни о задачах Казачества в эмиграции, ни о миссии будущего атамана — не сказал ни слова. Ягнув своим копьем своих бывших начальников, он останавливается на "славнейшем, известнейшем и первейшем" казаке ген. Краснове. "К глубокому сожалению", этот, еще довольно сохранившийся человек, несмотря на переговоры, уговоры и даже визит к нему самого Чапчикова, от предложенной ему чести категорически отказавшись, сославшись на более важные, пред ним стоящие, задачи.

— "Так вы хотите иметь атаманом Краснова, того самого, который сказал, что казакам не верит и который на Круге свырнул Атаманский Пернач?" — вновь зашумели казаки.

— "Говорят, Краснов слишком занят романом "От эмиграции к красному знамени", а поэтому и отказался!..."

Положением явно овладевают вольные казаки, не давая говорить Чапчикову, но за него вступает атаман местной общеказачьей станицы Корольков: — "А вы, кубанцы, чего раскодились, это вас не касается, — Донского Атамана выбирают."

— "Вопрос касается всего Казачества в целом, а не одних донцов!" — был ответ. "А где-же ваша станица? только вы да с вами двое. Почему нет никого? Должно быть потому, что они давно знают, кто такой Чапчиков."

— "А как-бы вы поступили с Донской конституцией, если-бы вас, например, прочили в атаманы? Сов-

вестимо ли это с младоросской программой? — задается вопрос Чапчикову.

Докладчик, видимо, этого не ожидал, пытается что то сказать, путается и лезет в свой портфель за программой. Поднимается смех. Чапчиков теряет терпение и, обращаясь к вольным казакам, кричит:

"Знаю я вас, самостийников!... Вот они (говорит он, апеллируя к русской публике) во главе с Бильм, да журналом "Вольное Казачество", копают могилу Казачеству! Но, не беспокойтесь, им это не удастся, потому что при наличии таких верных России казаков, как я, Шмелев да еще и другие, бояться нечего". Дальше распоясывается уже совсем: — "Мы старые, лихие и известные командиры и офицеры, только мы спасем будущую Россию и Казачество, а никто иной. Мы идем с открытым забралом, наши ряды крепнут!..."

— "А где же ваши казаки, ведь без казаков вам самим трудновато будет. Вот даже здесь, на вашем докладе, ни одного казака-младоросса".

— "Будут!" кричит вышедший из себя Чапчиков. Один из вольных казаков просит слова и при наступившей тишине говорит:

— "Я хочу сказать немного о Вашей честности, г-н Чапчиков, которой Вы немного злоупотребляете. Скажите нам и публике, аплодирующей Вам, за что Вас в Праге выгнали из союза инвалидов и за что Вас редакция журнала "Вольное Казачество" привлекла к суду? — За Вашу клевету и ложь! На суде Вы были уличены во лжи и клевете и должны были опубликовать в своем органе решение суда. Это вы сделали, но Вашим читателям об этом пришлось узнать стороной!..."

В рядах сторонников Чапчикова неловкое замешательство, сам же он кричит:

— "Неправда. Знаю я вас, самостийников, и заявляю, что ваша песенка уже спета. Я вас ликвидировал в Праге, ликвидирую в Париже; мы, младороссы, берем верх..."

Поднимается смех, шум. Публика начинает уходить. "Милиция" усиленно аплодирует...

Откровенно говоря, из доклада Чапчикова так ничего и не вышло. Вольные казаки имеют полное право гордиться своей победой. Сам Чапчиков вероятно не ожидал такого приема, переоценил свои силы и с треском провалился. О чем он говорил, вернее, что хотел сказать, — никто из присутствующих не в состоянии сказать.

Но эта пощипанная ворона полетела, вероятно, дальше и будет, может быть, каркать и впредь на погибель Казачеству. Долг вольных казаков, которым придется с ней встретиться, дощипать ее совсем, чтобы впредь не повадно было летать из Праги в Париж "ликвидировать Вольное Казачество"...

С. Чепурной

ДО КОРСУНЦІВ

До вас, Корсунці, старшини і куріне товариство, хочу звирнутись з оцим словом. Душа моя болить за рідний Край, за козацьке право, за козацьку волю. Чую ті пекельні муки, у яких живуть наші батьки, матері, брати, діти, сестри... Чую стогін всього Козацтва... Не віреться мені, що всі ми забули свою Батьківщину і перестали бути такими щирими козаками. якими були колись Корсунці ще на Запорозжі.

Прийшов час, коли кожному треба гарно подумати, а чи довго ще буде отак, що москаль буде коверзувати козацькими дітьми? Чи довго ще буде так, що ми будемо отгуг на чужині проживати, без права і без хати?

Ось що, панове старшини і брати товариство: так ще буде довго, може і кінця не буде, як що ми будемо і далі ходити по чужих манівцях, а не звернем на свій козацький шлях, по якому ідуть козаки патріоти, — на шлях ВК. Ці патріоти, що зуться вільними козаками, все отдають, щоб рятувати Батьківщину, щоб братів рятувати... Оддадуть і голови, як то буде потрібно. А другі? — Другим байдуже... Вони з нашими ворогами кумаються та вінчаються, та мовчки дивляться, як москалі хочуть на віки заграбастать у

свої руки наш милий козацький край. Іх не турбує те, що край наш, залитий кров'ю наших братів, їм байдуже, що козацькими кістками усіяні усі простори от козацької землі аж до Білого моря.

Не треба вам розповідати про це, все це ви самі бачите, а коли бачите, то треба щось робити. А зробити для Козацтва щось корисне можна тільки ідучи козачим шляхом, шляхом вільного козацтва. Тим шляхом іде багато козаків. Іде і наш станишник Сергій Савицький, його я тільки з наших Корсунців і бачу на цім шляху. Він кличе нас своїми віршами, кличу і я вас цим словом. Збирайтеся, Корсунці — старшини і товариство, до Вільного Козацтва і всі громадою, вмісті с тими патріотами, що вже більше сьоми років ідуть тим шляхом, скажемо всім: Годі, Козацтво не може дозволити, щоб над ним так і далі глузували. Скажемо всією громадою: геть, москаль с козацького степу, тут тільки воля козака може панувати, та пісня козака хоче лунати.

Корсунці! усіх вас кличу під прапори Вільного Козацтва, усіх вас кличу на козачий шлях, бо тільки цей шлях приведе у вільну Батьківщину. Бо за те, що ми обминаємо наш козацький шлях, діти наші згадують нас словом злим...

Корсунського куріня козак **Петро Калита**

В ТУЛУЗЕ

24 марта, на горизонте Тулузского района показался младорос Чапчиков. Приезжал он не один, а в сопровождении какого то русского, по всей вероятности — ад'ютанта его. Г. Чапчиков говорил о роли казачества в младоросском движении, а в конце всего заявил, что если казаки сейчас не вступят в ряды младороссов, то через короткое время младороссы казаков силой притянут!...

На все заданные казаками вопросы "докладчик" ни на один не ответил определенно, все обходив зигзагами — туманно и не ясно для казаков... Но зато ярко бросилось казакам в глаза, что Гриша Чапчиков любит выпить и по многу выпивает...

14 апреля Донская независимая станица сделала собрание — диспут по докладу Чапчикова. Атаман ст. **Турчанинов** в кратких чертах сообщил о казачьей доле Войска Донского и Казачества вообще — при русских царях, начиная со времен Булавина, Пугачева и до настоящего времени. В организацию младороссов верить не приходится. Мы видим, что нигде нет сильных младоросских организаций не только казачьих, но и русских. Существуют очаги по два-три человека, но очагами они и остаются, пока не умрут. Идея младороссов для казаков не приемлема. Казаки должны стремиться к своему казачьему. Только казаки сами могут спасти Казачество...

Булаткин (Дон): Мое отношение к Младороссам — отрицательное и по моему, в случае переворота в России младороссов туда и недопустят, власть возьмет молодое национальное движение, если там таковое будет. Все мы, казаки, любим свой Край. Я донец, люблю свой Тихий Дон, Кубанцы любят свою Кубань и т. д. Казаки самостийники стремятся создать свое казачье государство. Я пока не выявляю своего политического взгляда, но прошу каждого казака определенно и точно говорить о будущем Казачества и о его роли, если это будет суждено, в будущем. Московском "лоне"... Конечно, лучше бы было объединиться всему Казачеству и создать свою казачью программу.

Зорин (Дон): Нас, казаков, все и всегда обвиняют в самостийности, в измене родине. Я не могу понять, кто и какой родине изменил и что преступного в самостийности? — разве это преступление и измена, когда я люблю свой Тихий Дон, свой Край, где я родился? Это моя родина, я ей не изменял и не изменю. Я не

состою в рядах В. К., но с уважением отношусь к тем казакам, кто стал на вольно-казачью дорогу. Да, собственно говоря, мы, казаки, родились от наших предков самостийников и должны быть самостийниками, ведь у нас течет казачья кровь...

Хрипушин (Куб): Станичники, выслушав всех вас, казаков, не состоящих в рядах В. К., я смею сказать, что вы такие же самостийники, как и мы, которые уже стали открыто на свою чисто казачью дорогу. И несомненно, что жизненный интерес для всего Казачества заставляет нас стремиться к братскому союзу в одном государстве — Казакии.

Лишь в собственном, независимом, суверенном союзном государстве каждая казачья земля, каждое Казачье Войско сможет найти полное обеспечение своих исконных прав и свобод. В своей государственности каждый казачий Край сможет найти обеспечение и сохранение Казачества. Казачество может сохраниться, развиваться и свободно процветать лишь в своем собственном государстве — союзе Казачьих Республик. Спасение и будущее каждого казачьего Войска только в общеказачьей Федерации. И только ВК стремится спасти Казачество, осуществит свою программу во имя своей свободы, своего нрава, во имя справедливости.

Я призываю вас, станичники, быть осторожными ко всем обещаниям политических партий русского толка. Все они много обещают и мягко стелют, но не так мягко спят на их обещаниях. Я хочу припомнить из прошлого тем, кто забыл или кто этого не знал, что мы не первая казачья эмиграция. Казачья эмиграция была уже в 1670 году с Дона на Кубань; в 1708 году вторая Донская эмиграция тоже на Кубань после страшного разгрома Дона Петром I... А сколько раз эмигрировали Запорожцы и Украинцы, разгромленные и разоренные теми же русскими царями — Петром в 1709 г. и Екатериной в 1775 г....

Да, наконец, события нашего времени 1917-1920 гг. Снова Казачество было разгромлено русскими — русским народом под маской большевиков-коммунистов и эмигрировало тою же исторической дорогой в Турцию и через Турцию, а наши земли перекраиваются и колонизируются, казаки расстреливаются и переселяются... Как видите, на протяжении всей истории Казачества происходит одно и то же...

Станичники, этой правде пора, наконец, посмотреть открыто в глаза, давно пора не обманывать дальше ни себя, ни других. Довольно верить русским вождям и младоросским царям. Или казачество должно позволить себя уничтожить до конца или оно должно искать решения своего казачьего вопроса по своему, по казачьи.

До каких же пор мы будем эмигрировать?..

В заключительном слове ст. атаман, поблагодарив всех казаков, что собрались и побеседовали по казачьему и о казачестве.

Как бы мы, казаки, не расходились в своих политических взглядах, все же приходим к одному: Казачеству необходимо объединиться. Казачество должно восторжествовать. Будем же стремиться к единению.

Сообщил: **Ив. Хрипушин**

Р О З Ы С К

Ленивого Ивана И., братьев Никиту и Акима **Конюнеко**, Петра **Сердечного** — просят откликнуться Прокофий С. Журавка.

Адрес: С. **Кривец**. **Трговая Крайво**. **Югославия**.

Павел Н. Лобов, станицы Раевской разыскивает своих станичников. Писать: С. **Кривец** — **Трговая Крайво**. **Югославия**.

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)